

ПАТРИЦИЯ ХЭГАН

ЛЮБОВЬ
И РОСКОШЬ

СЕРИЯ ШАРМ

Патриция Хэган
Любовь и роскошь
Серия «Колтрейны», книга 5

A_Ch

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=153999

Хэган П. Любовь и роскошь: АСТ; М.; 2001

ISBN 5-17-015885-8

Аннотация

Красавица Дани Колтрейн повстречала мужчину своей судьбы – загадочного и притягательного аристократа. Однако избранник девушки втянут в таинственную и рискованную игру, которая может стоить ему жизни. Не задумываясь, Дани бросается на помощь любимому – что значит смертельная опасность, если речь идет о судьбе того, кому она отдала свое сердце, кто пробудил в ней страсть и подарил счастье?..

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	26
Глава 3	39
Глава 4	59
Глава 5	64
Глава 6	73
Глава 7	83
Глава 8	100
Конец ознакомительного фрагмента.	117

Патриция Хэган

Любовь и роскошь

Глава 1

Париж, 1891 год

Дани Колтрейн, зябко поведя обнаженными плечами, плотнее закуталась в белый палантин из меха горностая. Она уже давно знала, что вечера на исходе лета во Франции бывают довольно прохладными, и надеялась, что ее спутник, Перри Рибо, уведет ее в отдаленную часть террасы «Гранд-опера».

И вот теперь во время антракта она ждала, когда он наконец вернется с шампанским.

Разноцветные лучи света проникали сквозь витражные сводчатые окна здания. Над головой Дани серебряным светом сияла луна, и девушка словно находилась в центре сверкающей радуги. Широкая юбка ее изысканного розового вечернего платья из муарового шелка трепетала и переливалась тысячью блесков и мерцающих огоньков. Ее высоко зачесанные каштановые волосы – каскад очаровательных кудряшек, которые скрепляли крошечные бриллианты и жем-

чужины, — отливали золотом.

Она была самым воплощением красоты, унаследовав изысканную прелесть своей матери, шарм и ум отца. Но сейчас, стоя в магическом сиянии и наслаждаясь его прелестью, она испытывала напряженное, затаившееся в груди волнение.

Всякий раз, когда Перри удавалось создать ситуацию, в которой он снова и снова пытался убедить ее принять его предложение, она сердилась на себя за то, что попала в его сети. Он был добрым и привлекательным, но она не испытывала ни малейшего желания выходить за него замуж, как, впрочем, и за любого другого из своих обожателей, упрямо обивающих порог ее дома, в котором она жила вместе с отцом и приемной матерью. Дани казалось, что любовь и брак означают насилие, раболепство и подчинение воли другому человеку... но, слава Богу, ей преподали урок. Никогда больше не позволит она контролировать себя или управлять своими действиями. Никому!

Она подошла к краю террасы и задумчиво устремила взор на площадь Звезды, раскинувшуюся к западу от Елисейских полей, с ее двенадцатью лучами-улицами, залитыми светом. В самом центре площади возвышалась грандиозная Триумфальная арка, более чем в два раза превышавшая Триумфальную арку в Риме. Идея ее создания принадлежала Наполеону, решившему увековечить память о своей доблест-

ной и победоносной армии.

Дани чуть повернулась и увидела сияющую площадь Согласия: ничто в ней не напоминало печально известное место, где казнили Людовика XVI, Марию Антуанетту, Лавуазье и многих других.

Проникнувшись духом истории, Дани невольно вспомнила свое прошлое – полные боли и печали годы, когда она подчинилась воле тети Элейн и жила под ее неусыпным контролем...

Она вспомнила историю о том, как ее отец, Тревис Колтрейн, прославленный офицер и герой Гражданской войны, женился на красивой и жизнерадостной Китти Райт, которая подарила ему сына. Они поселились в Северной Каролине на ферме, которая досталась им в наследство. Но счастье их было недолгим – несколько лет спустя один из старых врагов Китти похитил ее. Тревис объездил всю страну, вплоть до пустынь Запада, пытаясь отыскать ее, однако выяснил только, что она погибла. Чтобы избавиться от своей глубокой, незаживающей печали, он принял назначение на должность начальника полиции и отправился в Кентукки для подавления тайной террористической расистской организации, пропагандирующей жестокость, – ку-клукс-клана.

Дани знала, что очень многое от нее скрывали, а то, что рассказала тетя Элейн, было ее собственной, далеко не объективной интерпретацией произошедших тогда событий.

Знала она и о том, что тетя была сильно увлечена ее от-

цом, однако в конце концов он женился не на ней, а на ее сестре, Мэрили Барбоу, которая и стала матерью Дани. Элейн так никогда и не смогла простить отцу этого и ненавидела его вплоть до своей смерти.

Дани вздохнула и в глубокой печали покачала головой. Ненависть, должно быть, разъедала ее сердце, как ржавчина. Ибо отчего еще ее тетя так ожесточилась и создала непреодолимую пропасть между дочерью и отцом?

К тому времени когда, подарив ему дочь, мать Дани умерла, отец уже выяснил, что его любимая Китти не погибла, а страдала от потери памяти. Впоследствии они воссоединились, и Элейн принялась за воплощение своего черного плана, пытаясь разрушить отношения между Дани, ее отцом и Китти. И весьма в этом преуспела.

Элейн настояла на том, чтобы Дани поселилась у нее. Отец был против переезда, однако вся атмосфера в доме благодаря бесконечному вмешательству Элейн, а позже и отвратительному поведению самой Дани для всех стала вскоре совершенно невыносимой.

Сначала Дани жила в имении Барбоу в Кентукки. Когда же Элейн вышла замуж за графа Клода де Бонне, они переехали в Монако, на юг Франции, и поселились в замке де Бонне. Их брак вряд ли можно было считать счастливым, поскольку ни для кого не оставался тайной тот факт, что Элейн вышла замуж за графа исключительно из-за его денег.

Вместе с собой во Францию Элейн взяла и юного Гевина

Мейсона, сына человека, которого она любила, не считая отца Дани, – Стюарта Мейсона. Стюарт, как довелось позже выяснить Дани, стал еще одной причиной лютой ненависти Элейн к ее отцу. Он возглавлял местное отделение ку-клукс-клана, и в одной из вооруженных стычек отец Дани застрелил его. Элейн вместе с Гевинот в течение долгих лет доволно успешно превращала жизнь Дани в кошмар.

В поисках любви Дани обратилась к церкви. Она чувствовала себя совершенно потерянной и одинокой. Тогда она не знала, что все письма, которые она писала отцу в поисках примирения, и его ответные послания перехватывались Элейн и уничтожались.

После смерти графа на дуэли Элейн оказалась в тяжелейшем финансовом положении из-за его огромных игорных долгов. Гевин предложил Дани выйти замуж, рассчитывая – она это прекрасно понимала – однажды наложить лапу на все то, что она унаследует от отца.

Она неизменно отклоняла предложения Гевина и молбы тетки и нашла убежище в монастыре, затерявшемся в Приморских Альпах. Без сожаления оставив прошлое, Дани представляла будущее как абсолютное рабство в стенах церкви.

Неожиданный и запрещенный визит в монастырь ее сводного брата Колта пробудил ее к реальности. Она узнала, что отец живет в Париже и разделил все свое состояние между ней и Колтом. Не подозревая о полученных деньгах, Да-

ни не имела понятия и о том, что, используя грязный шантаж, Гевин Мейсон вынудил служанку отправиться в Америку, представиться Дани и потребовать свою долю.

Ужасный план раскрылся, когда Колт подробно изложил ей историю о том, как Бриана, служанка, выдав себя за Дани, заставила его поверить в то, что он соблазнил ее. Глубоко раскаиваясь в том, что обесчестил свою собственную сестру, он переписал на ее имя свое состояние и с позором удалился. И только позже, вернувшись в родные края, он узнал, что фамильное ранчо продано.

Колт последовал за Брианой и Гевинот в Францию, где служанка раскаялась во всем, раскрыв преступный замысел. Она все время была против участия в этом грязном деле, но ее шантажировали больным братом, которого она должна была содержать.

В конце концов Колт при помощи отца выследил Гевина на Санторине, одном из греческих островов, где он обнаружил украденные деньги и Мейсона, убитого одним из его же людей.

Элейн, как выяснилось позднее, умерла, выбросившись из окна замка де Бонне на скалы после того, как в припадке ревности хотела убить любовницу Гевина Мейсона.

После длительных раздумий Дани решила, что не хочет быть монахиней, покинула монастырь и отправилась в Париж для того, чтобы лучше узнать свою семью, в общении с которой ей было отказано только из-за того, что она позво-

лила, чтобы за нее принимали решения.

Дани почувствовала, как теплая нежность захлестнула ее, когда она вспомнила о счастливых днях, проведенных с отцом и приемной матерью в течение последнего года. Тревис Колтрейн оказался таким же прекрасным, каким она представляла его в своих тайных мечтах, а Китти стала ей скорее сестрой, нежели мачехой. Именно Китти помогла ей осознать, как много людей пострадали из-за ее неспособности принимать собственные решения, из-за того, что она позволила посторонним вмешиваться в свою жизнь.

Дани обожала Китти и считала, что та обладает независимым характером, – она смогла полюбить мужчину, сохранив при этом свою индивидуальность.

Дани хотела во всем походить на мачеху.

Китти помогла ей понять, что только она сама может сделать свою жизнь насыщенной и счастливой. Отец оставил ей довольно приличное состояние, и теперь у нее были деньги для того, чтобы делать все, что душе угодно.

Но об одном она мечтала больше всего – о независимости, которой была лишена все эти годы.

Звук голоса Перри, окликнувшего ее, мгновенно вырвал Дани из паутины прошлого. Она обернулась к нему.

Перри Рибо с вьющимися темными волосами и ' смеющимися карими глазами отличался не только красотой, но и умом. Получив образование в Оксфорде в Англии, он безупречно говорил на английском с едва заметным француз-

ским акцентом. Однако даже если бы это было и не так, языкового барьера между ними все равно не существовало бы, ибо Дани прекрасно владела французским.

Они встретились на приеме в посольстве. Перри должны были вот-вот назначить послом, он происходил из богатой, влиятельной семьи. Дани считала его компанию более чем приятной и с радостью принимала приглашения Перри посетить различные светские торжества. Она стремилась только к дружбе, однако после нескольких месяцев знакомства он сделал ей предложение. Она отказала, но он был неугомонным и добивался ее согласия.

Он протянул ей бокал искрящегося шампанского и улыбнулся – темные глаза горели неподдельной любовью.

– Прощу прощения, дорогая, за то, что заставил вас ждать, но в зале слишком много народа.

Она взяла шампанское, мечтая о том, чтобы поскорее услышать серебряный звон колокольчика, возвещающего о начале заключительной части представления. Дани предчувствовала, чем закончится слишком продолжительное пребывание наедине с Перри.

И ждать ей пришлось недолго.

Он напряженно смотрел на нее и вдруг, словно не в силах сдержаться, швырнул свой бокал в темноту, а затем, к огромному изумлению Дани, проделал то же с ее бокалом. Затем одним быстрым движением он прижал ее к груди и, застонав, стал целовать ее лицо.

– Дани, о, Дани, мое сокровище, любовь моя! Почему ты так мучаешь меня? Неужели не понимаешь, что должна стать моей женой?

Она уперлась руками о его грудь и изо всей силы оттолкнула его. Рассерженно качая головой, она возмутилась:

– Перри! Прекрати! А не то я закричу! Клянусь, именно так я и поступлю...

– Нет. – Он накрыл ее губы своими – теплыми, требовательными. Его руки жадно двигались по ее спине, прижимая ее еще ближе.

Дани продолжала сопротивляться его напору, обрушивая на его грудь удары своих маленьких кулачков. Но постепенно почувствовала, как ее собственное тело предает ее. Она не любила Перри, и тем не менее жар желания охватил ее. Никогда не приходилось ей видеть мужчину так близко и в таком возбуждении. Мысленно она приказала своему сердцу, телу, разуму остыть, не сметь поддаваться мучительному желанию, которое разогревало кровь, превращая ее в горящую лаву страсти.

Она таяла в его объятиях, однако это длилось лишь одно короткое мгновение. Именно в это решающее мгновение, когда она вот-вот была готова уступить, ее словно ударило и она со всей очевидностью поняла, что поддаться – значит, позволить управлять собой... сделать что-то вопреки собственным желаниям.

Дани инстинктивно сжалась в его объятиях. Она призна-

валась себе в том, что познала желание, что мечтала вознестись на неописуемые вершины страсти и удовольствия, однако только тогда, когда сама этого захочет. Никогда она не позволит кому бы то ни было соблазнить себя!

Перри почувствовал ее сопротивление, понимая, что снова проиграл. Он освободил ее из объятий и в серебряном сиянии лунного света печально посмотрел на нее.

– Дани, любовь моя, что мне сделать, чтобы доказать тебе, как сильно я люблю тебя? – в отчаянии прошептал он. – Ты разбиваешь мне сердце. Ты...

Дани приложила пальчик к его губам, призывая замолчать.

– Я не люблю тебя, Перри, – сказала она ему. – Ты мне нравишься. Очень. Но я не люблю тебя. И никогда не полюблю... никогда не выйду за тебя замуж. – Она искала в его глазах хоть намек на то, что он понимает ее, однако он продолжал безумным взглядом смотреть на нее, совершенно оглушенный.

Она резко вздохнула, отвернулась и тут же почувствовала его руки на своих плечах. Он предпочел не заметить, как она съежилась от его прикосновений.

– Дани, я уже говорил тебе прежде: я сделаю так, что ты полюбишь меня. Мы предназначены друг для друга...

Она вздрогнула – раздался звонок, возвещающий о начале действия.

– Тебе просто нужна жена, Перри! – вскричала она в отча-

нии, поскольку не могла добиться его понимания. — У тебя есть карьера. И ты хочешь для полного набора обзавестись еще и женой. Ты думаешь, что в этом и заключается смысл жизни!

Он чуть сощурился в смущении:

— А это не так? А ты не этого хочешь, Дани? Выйти замуж? Иметь мужа? Свой дом? Детей? Вести восхитительную светскую жизнь?

Она сдержала дыхание, препятствуя выходу наружу хлопотавшей внутри ярости. Наконец, когда почувствовала, что снова контролирует себя, Дани сказала:

— А зачем надо иметь супруга? Детей? Почему я не могу делать карьеру и вести восхитительную светскую жизнь сама? Почему я должна жить для других людей?

Он недоверчиво посмотрел на нее, словно никогда прежде по-настоящему не видел ее.

— Ты... ты не хочешь выходить замуж? Иметь семью? — Он покачал головой, уверенный в том, что просто неверно расслышал ее. — Почему... Какая еще карьера может быть у женщины за исключением семьи?

Она хотела возразить, однако просто покачала головой и рассмеялась, мягко и грустно:

— Неужели не понимаешь, Перри? Я сама ищу ответ на эти вопросы.

Он бросил на нее взгляд, полный одновременно замешательства и злости, однако подал руку, чтобы проводить ее

обратно.

Вместе они прошли через величественный зал времен Второй Империи, богато украшенный классическими статуями, миновали Итальянскую ложу с ее крытой галереей, поддерживаемой огромными колоннами из белого мрамора.

Мраморные ступени главной лестницы, балюстрада были вырезаны из прекраснейшего оникса. По обе стороны лестницы стояли блистательные солдаты гвардии Республики в невероятных мундирах красного и белого цветов, в золотых шлемах, сверкающих в свете струящихся хрустальных люстр, гордо держа шашки наголо.

Все вокруг сверкало элегантными нарядами элиты Парижа, и для Дани это был настоящий сказочный мир. Зачарованная пышным окружением, она не замечала недовольства Перри, как, впрочем, и восхищенных взглядов тех, кто молчаливо признавал, что она самая красивая женщина среди собравшихся в этом роскошном увеселительном месте.

Они отыскиали свои места. Дани устремила все внимание на представление, игнорируя Перри, который бросал на нее украдкой недоуменные взгляды. Он не предпринял ни одной попытки взять ее за руку, что неизменно делал прежде. И хотя Дани нравилась их дружба, она с горечью была вынуждена признать, что после сегодняшнего вечера всякие отношения между ними закончатся. Он жаждал полной власти, а ее одна только мысль о подобной судьбе наполняла холодным страхом и немой яростью.

В гробовом молчании он проводил ее до дома. Они остановились у щедро украшенных орнаментом железных ворот. Сияющие фонари из меди и стекла красовались на каменной стене, воздвигнутой вокруг особняка. Впереди неясно вырисовывались очертания внушительного двухэтажного дворца, окна которого тепло светились, словно приглашая заглянуть внутрь.

– Не хочешь зайти и выпить немного бренди? – вежливо предложила Дани. – Уверена, что отец еще не спит и, несомненно, будет рад насладиться твоей компанией.

Он покачал головой, какое-то мгновение задумчиво смотря на дом, затем взглянул на нее:

– Я действительно люблю тебя, Дани. Поверь. Но я так больше не могу. Видеть тебя. Быть рядом с тобой. И все время испытывать боль из-за того, что у меня нет никакой надежды... – Он снова покачал головой, вздохнув. – Я, к сожалению, не из тех людей, которые могут предаваться неосуществимым иллюзиям. Это совершенно бесполезно и несет только разочарование... и боль.

Дани кивнула:

– Понимаю, Перри. Я просто еще не готова выйти замуж ни за тебя, ни за кого-либо еще. Возможно, никогда не буду готова.

Он вздрогнул. В мягком сиянии света в его глазах заблестела ярость.

– Значит, ты играешь мной! – обвинил он, повышая голос.

Соответственно вырос гнев Дани. И как только посмел он намекнуть ей на подобное? Господи, неужели все мужчины полагают, что если женщина приняла их приглашение выйти вместе в общество, они являются кандидатами в мужья?

— Я возмущена вашими намеками, — резко сказала она. — Я не просила у вас большего, чем дружба. И если вы посчитали это игрой, следовательно, пребываете в досадном заблуждении.

Она приподняла юбки и сердито прошла сквозь открытые ворота.

Перри сокрушенно воскликнул:

— Дани, подожди! Я не это имел в виду. Я просто так сильно люблю тебя и...

Она не слышала его, торопливо взбегая по ступенькам, стремительно пролетев мимо швейцара, на лице которого появилось выражение недоумения и замешательства.

Она вошла в круглый вестибюль с мраморным полом, стены его были обиты атласом светло-зеленого цвета с цветочным орнаментом — листья плюща были из темно-зеленого бархата.

Остановившись, Дани позволила Клетусу, дворецкому, взять белый меховой палантин и направилась к покрытым роскошным ковром оттенка бургундского ступенькам, ведущим на второй этаж особняка. По обе стороны лестницы располагались две позолоченные, украшенные резьбой подставки, а на них светильники из золоченой бронзы.

На втором этаже она повернула налево, к своим комнатам, когда неожиданно Китти из своего крыла приветливо окликнула ее:

– Дани, добрый вечер. Ты не предложила Перри зайти и выпить что-нибудь на ночь?

Дани вдруг почувствовала, что ей необходимо поговорить с Китти, и подошла к ней. На мачехе был великолепный изумрудный пеньюар. Волосы, цвета сияющего летнего заката, мягко ниспадали ей на плечи.

Дани умоляюще прошептала:

– Могу я зайти и поговорить с тобой, если, конечно, не потревожу папу?

Сразу же почувствовав, что что-то случилось, Китти пригласила ее к себе.

– Он в посольстве, готовится к завтрашнему отъезду в Панаму. Заходи, и давай выпьем по бокалу вина.

Дани обожала гостиную Китти. Едва переехав в Париж, мачеха страстно увлеклась изучением дизайна интерьера, в результате чего особняк Колтрейнов превратился в образец вкуса и высокой культуры. Приглашение посетить его было настоящим подарком, получить который жаждали представители светской и правительственной аристократии Парижа.

Особое восхищение Дани вызывал внушительный секретер красного дерева, выполненный в стиле рококо. Он стоял как раз подле дверей, услаждая взор своим изысканно вырезанным фронтоном в виде шеи лебедя и необычными выгну-

тыми ножками. Как-то Китти упомянула о том, что он относится к 1775 году.

Подле него стояло кресло периода Георга I из орехового дерева, боковины которого были украшены раковинами и завершались шаровидными ножками.

Рядом с секретером, на стене, задрапированной желтым муаровым шелком, висели два подсвечника невообразимой красоты – вырезанные из дерева и позолоченные, с декоративными птичками, факелами, пшеничными снопами и хрустальными каплями.

Китти пересекла комнату и остановилась у маленького китайского столика с двумя потайными отделениями, где она обычно хранила бутылочку вина, предназначенную для вечерних бесед. Это был один из ее любимейших экземпляров, и она наблюдала, довольно улыбаясь, за тем, как Дани восхищалась другими предметами обстановки... плодами долгих часов утомительных поисков в затерявшихся антикварных магазинчиках Франции.

Она налила им обоим по бокалу розового вина, подала бокал Дани и показала ей свое последнее приобретение, гармонично дополнявшее интерьер гостиной.

– Сокровище, – гордо объяснила она, когда они встали перед картиной, на которой были изображены молодой человек и девушка, обнимавшие друг друга, на деревянных качелях, подвешенных на толстых веревках к ветви дерева. – На прошлой неделе я была на приеме в честь нового немецкого

посла, денек выдался замечательный, и я решила прогуляться до дома пешком. И по пути наткнулась на крохотный магазинчик на улице Руссо, владелец которого даже и не знал работы Пьера-Опоста Кота. Он умер в 1883 году, и его картины становятся все более ценными с каждым годом.

Дани очень понравилась картина. Под влиянием Китти она весь прошедший год занималась изучением искусства и теперь могла по достоинству оценить работу Кота.

Китти сделала Дани знак рукой, приглашая ее присоединиться к ней на диване – шедевре неоклассицизма 1786 года, – и Дани кивнула и села рядом. Китти отыскала эту прелесть, обитую голубым бархатом, с грациозным изгибом спинки и легкими, тонкими деревянными ножками и подлокотниками, на улице Бонапарта.

– Ты просто чудо! – воскликнула Дани. – Боюсь, мне нужно еще многому научиться.

– Девочка, ведь ты выросла среди произведений искусства, – поспешила напомнить ей Китти. – Я слышала, что когда-то семья де Бонне обладала одной из самых ценных коллекций живописи во Франции.

Дани печально улыбнулась:

– «Когда-то» – самое подходящее слово. Припоминаю, что, когда мы только переехали в имение, залы были увешаны картинами, однако когда везение покинуло графа из-за его пагубной страсти к игре, то же самое произошло и с редкой коллекцией картин. К тому времени когда он был убит

на дуэли, все залы совершенно опустели.

Китти вздохнула:

– Какая утрата. Однако давай же наслаждайся вином, а я расскажу тебе о путешествии твоего отца.

Она стала рассказывать о том, как Фердинанд Лессепс, известный французский инженер, который руководил строительством Суэцкого канала, организовал акционерное общество с целью прорыть канал через Панамский перешеек, однако это предприятие оказалось весьма сложным и дорогостоящим. Два года назад компания распалась, и большое количество акционеров лишились своих сбережений. В результате чего стали раздаваться требования к проведению парламентского расследования, и американское правительство обратилось к Тревису с просьбой отправиться в Панаму и ознакомиться с ситуацией до начала официальных слушаний по этому делу, поскольку оно затрагивало интересы многих американских инвесторов.

Дани слушала, однако без особого интереса, поскольку все еще была раздражена словами Перри.

Наконец Китти решила подтолкнуть ее:

– Что-то не так, Дани? Тебе хотелось поговорить со мной?

Дани испытала прилив благодарности и поспешила рассказать обо всем, что случилось, и поделиться своими чувствами.

Китти внимательно слушала, иногда кивая, но сохраняя молчание до тех пор, пока Дани не закончила. А затем по-

старалась, чтобы ее голос прозвучал как можно мягче:

– Я знаю, ты сама хочешь распоряжаться своей жизнью, дорогая, но уверена ли ты, что не путаешь борьбу за независимость с упрямством?

Дани, не понимая, сощурилась:

– Упрямство? С чего ты взяла?

– Тебе, вероятно, очень сложно научиться принимать свои собственные решения после того, как совсем недавно каждую твою мысль контролировала тетя Элейн, однако именно потому, что сейчас ты хочешь решать все вопросы своей жизни сама, не закрывай сердца для любви.

– Китти, я не понимаю...

Китти вздохнула, встала и начала шагать по гостиной. Господи, она не была матерью этой девочки, не воспитывала ее, а только-только начала узнавать – прошел год со времени их близкого знакомства. Она понимала, что существует тонкая граница между ненавязчивым советом и грубым вмешательством, однако Китти никогда не жеманничала, когда дело касалось чего-то серьезного, поэтому сейчас решила пойти в наступление.

– Не отрицай возможности когда-нибудь полюбить Перри, Дани, – сказала она. – Ты столь убеждена в своем желании быть независимой, что, возможно, просто предпочитаешь отказаться от любви.

Дани гневно тряхнула головой, и каштановые кудри упали на плечи.

– Я не люблю Перри, Китти, – жестко, с напором сказала она.

– Однако ты так расстроилась... – возразила Китти.

– Да, – без промедления согласилась Дани, – расстроилась и рассердилась, поскольку он посмел намекнуть, что я играла с ним. С каких, интересно, пор женщина обязана выходить замуж за человека из-за того, что она принимает его приглашения на светские рауты? Почему считается, что я ищу мужа, если мне просто приятно выходить в свет с молодым человеком?

Неожиданно Китти разразилась сумасшедшим смехом, снова опустилась на диван и закрыла лицо ладонями.

Дани, озадаченная поведением мачехи, собиралась потребовать объяснений, но Китти успокоилась и крепко сжала ее руки:

– О, Дани, ты, словно эхо моего собственного негодования, которое кипело во мне, когда мне было столько, сколько тебе сейчас. Я не хотела смеяться, однако столько вспомнила...

Ты права, Дани, – продолжала она. – Несомненно, ты ничем не обязана Перри. Ты не должна давать ему какие-либо объяснения, касающиеся твоих чувств.

Дани преисполнилась благодарности, однако почувствовала, что надо продолжить исповедь:

– Я не могу не чувствовать себя немного виноватой, поскольку причинила ему боль и...

– Нет! – резко вскричала Китти. – Ты не должна быть ответственной за то, что чувствует другой человек, – только за то, что переживаешь сама. Запомни: ты никогда не несешь ответственности за то, какую реакцию вызывают у другого твои чувства и принципы. – Она помедлила и крепко обняла девушку. – Я люблю тебя, Дани. Для меня ты дочь, которую я никогда не имела, но страстно желала, и я хочу, чтобы ты была счастлива.

Дани широко улыбнулась:

– Я знаю, и я так благодарна судьбе, что у меня есть такой друг, как ты.

Они выпили еще по бокалу вина, и Китти снова повторила свое предложение, чтобы Дани отправилась в путешествие.

– Потратить немного своих денег, посмотри на мир, попробуй все, что он предлагает.

Дани заверила, что уже думала об этом. Однако потом объявила:

– По правде говоря, я не хочу выглядеть легкомысленной дебютанткой или богачкой из высшего общества, порхающей по миру, не имея никакой другой цели, кроме как получать удовольствия. Мне нужны настоящая цель, смысл жизни, карьера. Я хочу независимости... хочу жить собственной жизнью и ни от кого не зависеть.

Глядя на приемную дочь глазами, сияющими внутренним теплом, пробужденным вином и любовью, Китти заключила Дани в объятия и прошептала:

– Тогда действуй, Дани, дорогая. Если это и есть твоя мечта – отправляйся в путь и найди ее!

Глава 2

Люрлин, личная горничная Дани, разбудила ее за несколько минут до семи.

Стоило Люрлин раздвинуть белые парчовые портьеры, как в комнату полился поток солнечного света

– Bonjour, mademoiselle ¹. Ваш отец хочет, чтобы вы присоединились к нему за завтраком на террасе.

Дани потянулась, зевнула и счастливо улыбнулась:

– Замечательно. Я надеялась увидеться с ним до того, как он уедет.

– Мне наполнить для вас ванну? – предложила Люрлин.

– Пожалуй.

Она обожала свою огромную кровать, как, впрочем, и все в этой комнате. Хотя Китти и предоставила Дани свободу выбора в отношении убранства комнаты, она, вне всяких сомнений, постоянно руководила ей, и результаты оказались совершенно прелестными. Дани села и снова потянулась.

Изысканно задрапированный балдахин над кроватью, сотканный из великолепного, ручной работы бельгийского кружева. Рядом – прекрасный комод времен Людовика XV из древесины ценного бразильского дерева дальбергии с фиолетовыми прожилками. Комод украшали позолоченные

¹ Доброе утро, мадемуазель (фр.).

бронзовые инкрустации высочайшего качества. Каждое утро независимо от времени года на него неизменно водружался букет свежих цветов из ухоженных садов Китти.

Всего несколько месяцев назад на аукционе в одном из имений Дани и Китти отыскиали бюро времен королевы Анны. Украшенное вставками из отлитой вручную меди, оно содержало несметное количество разнообразных полочек и отделений для бумаг.

В дальнем углу комнаты стояли белое пианино и кресло на двоих в стиле английского ампира, обитое испанским бархатом и расшитое вручную лебедями и гусями.

Стены украшали панели из букового дерева и обои во фламандском стиле.

Однако больше всего в своей комнате Дани обожала стену, противоположную той, возле которой стояла кровать: на ней размещались картины, привезенные из Франции, Англии и Австрии, представлявшие четыре века европейского пейзажа.

Дани приняла ванну. Затем с помощью Люрлин зачесала волосы назад в пучок, что заняло очень мало времени, и украсила прическу шифоновым шарфом того же оттенка цвета лаванды, что и ее платье.

Быстрым взглядом она обвела великое множество хрустальных флаконов на позолоченном по углам зеркальном подносе, стоявшем на трюмо, и выбрала тот, который отец привез ей весной из Австрии. Она обильно надушилась, под-

нялась и придирчиво оглядела себя в большом овальном зеркале, висевшем над столом и отображавшем ее в полный рост.

Люрлин, вертевшаяся поблизости, в восторге всплеснула руками:

– О, *mademoiselle*, вы, как всегда, прелестны, словно дыхание свежего ветерка весенним утром!

Дани поблагодарила ее за столь изысканный комплимент и продолжала задумчиво изучать свое отражение. У нее была только одна-единственная фотография матери, которая хранилась в маленьком золотом медальоне, неизменно украшавшем шею Дани. Ее дед Барбоу дал его Дани, когда она была еще совсем ребенком, и с тех пор он стал ее самым любимым сокровищем. А когда она снова вернулась в Кентукки, то не раз до замужества тети Элейн подолгу в молчании рассматривала огромный, во весь рост, портрет матери, который висел в гостиной, стараясь запечатлеть каждую черточку родного лица.

Мама, вспоминала Дани, была такой же высокой, как и она сама. Ее волосы тоже были каштановыми, а брови коричневыми. Однако в отражении зеркала она замечала и сходство с отцом – густые ресницы, упрямый изгиб подбородка.

Мужчины говорили, что она красива. Дани удивлялась – действительно ли это так, – затем про себя рассмеялась без некоторой доли тщеславия и решила, что по крайней мере она привлекательна.

Раздался стук в дверь. Люрлин открыла ее и вернулась с охапкой длинных красных роз. Понимающе улыбаясь, объявила:

– От месье Перри Рибо. Прочитать карточку?

Дани ответила резко, почти раздраженно:

– Нет! Я прочитаю ее позже. Я опаздываю на завтрак.

Прошуршав юбками, Дани промчалась мимо застывшей в недоумении Люрлин.

Стеклянные двери открывались из столовой на широкую мраморную террасу. Сверху спускались вьющиеся виноградные и благоухающие жасминовые ветки. Сквозь обильную листву деревьев к террасе тянулись потоки золотого солнечного света, словно маня и завораживая журчащие бриллианты брызг, рожденных витиеватым фонтаном, расположенным посреди великолепных лилий Китти.

Узкая, обсаженная декоративным кустарником тропинка вела от фонтана в прекрасный сад. Множество птиц, слетевшихся к этому тщательно созданному раю, рождали своими звонкими голосами единую прелестную мелодию, поднимавшуюся ввысь. Бесчисленные бабочки всех вообразимых цветов порхали среди царства цветов, совершенно равнодушные к гулу цивилизации за густой, охраняющей живой изгородью, скрывавшей этот рай от шумной улицы Бордо.

Имение, предоставленное семье Колтрейн правительством, было весьма удобным и привлекательным и располагалось на холме, с которого открывался великолепнейший

вид на северо-восточную часть города.

Дани обожала раскинувшийся перед ней вид, однако еще большую радость она почувствовала при виде сидящего на террасе за круглым стеклянным столом мужчины.

Зрелые годы не лишили Тревиса Колтрейна ни статности, ни привлекательности. Он был все еще таким же прямым, высоким, с широкими плечами и твердыми, упругими мышцами рук и ног. Серо-стальные глаза выдавали в нем ум, проницательность и образованность человека, живущего в гармонии с собой и наслаждающегося своим миром. А легкий налет серебра на висках лишь добавлял прелести его шарму.

Тревис Колтрейн неизбежно привлекал к себе восхищенные взгляды женщин. И он был ее отцом, думала Дани с гордостью.

Она поспешно вышла на террасу и, встав подле отца, обвила его руками. Запечатлев поцелуй на его макушке, она пропела:

– Bonjour, папочка!

Тревис сжал ее запястье в ответном приветствии.

– Да уж, папочка, – усмехнулся он. – Звучит так, словно я какой-то старик. Я тебе такого напоминаю?

Дани весело покачала головой:

– Ну конечно же, нет! Ладно, bonjour, отец.

– Это уже лучше, – чуть насмешливо, нежно пробормотал он. – Доброе утро, прелестная дочка. – Он был искренне благодарен ей за установившуюся между ними за последний

год близость.

Она села подле него, отмахиваясь от предложенного им серебряного подноса с горячими хрустящими круассанами, намазанными маслом.

– Я должна следить за фигурой, – весело процитировала она любимое выражение Китти, – чтобы мужчины следили за мной.

Тревис поднял бровь:

– Например, Перри Рибо? Я слышал, что он прислал сегодня утром розы.

Дани скорчила гримаску:

– Боюсь, розы не загладят его вину: он обвинил меня в том, что я якобы играю с ним, но не хочу выходить за него замуж.

Блеск глаз Тревиса как-то незаметно потух, а голос приобрел необыкновенную серьезность, когда он произнес, накрыв ее руку своей:

– Китти рассказала мне о вашем разговоре прошлой ночью, Дани, и я полностью согласен с тобой: он не имел права делать подобные намеки. Хочешь, я поговорю с ним?

Она покачала головой.

– Не хочу больше думать об этом, – объявила она. – Если он так себя ведет, очень жаль. Я проживу и без его дружбы.

Тревис одобрительно кивнул.

– Правильно, – сказал он, а затем с любовью добавил: – Однако я не могу обвинять его за эту попытку. Ты прелест-

на, Дани, совсем как твоя мама, и в тебе есть шарм и грациозность, хотя я иногда подозреваю, что ты унаследовала немного ехидства от своего папочки, – подмигнул он.

– Ну что ж, если это так, то это просто замечательно, – сказала она. – Жаль, что я не унаследовала это раньше, много лет назад, когда тетя Элейн начала свое злое...

Фраза повисла в воздухе: Дани решила, что не стоит воскрешать неприятную тему. Еще когда она только приехала в Париж, они провели немало часов, разговаривая об этом, и тогда же вместе пришли к выводу, что наилучшим будет объясниться начистоту, обсудить все, а затем постараться забыть. И вот она чуть снова не начала...

Она резко сменила предмет разговора и спросила:

– Надолго ты уезжаешь? Всего через три недели открывается сезон балета в «Гранд-опера», и я и Китти с нетерпением ждем, чтобы ты сопровождал нас. Каждая женщина в Париже непременно позеленеет от зависти к нам.

Тревис примирительно объяснил, что при самом удачном стечении обстоятельств он задержится больше, чем на три недели, возможно, на месяц или даже дольше.

– Сегодня днем на поезде я отправляюсь в Шербур и уже там сяду на корабль. Честно говоря, – добавил он, наливая себе еще одну чашку чая, – я боюсь этого путешествия. Мне бы хотелось, чтобы Китти сопровождала меня.

– О, так возьми ее с собой, прошу тебя, – быстро произнесла Дани, понимая, что, вероятно, именно ее присутствие

мешает Китти поехать. — Я великолепно справлюсь здесь и одна. А вы вдвоем могли бы провести замечательные каникулы.

Тревис покачал головой и убедил ее в том, что она ни в коем случае не является причиной того, что Китти оставалась дома.

— Климат там неважный, так же как и политическая обстановка на данный момент. А кроме того, она хочет быть здесь, когда начнутся сезон балета и новые занятия в Сорбонне.

Дани вспомнила, как Китти однажды упомянула о том, что посещает там курс лекций, и даже начинала подумывать присоединиться к ней. История университета впечатлила ее. Расположенный неподалеку от маленькой площади, которая называлась площадь Сорбонны, он получил свое имя от Робера де Сорбонны, который основал его в 1253 году. Рядом с главным входом располагалась церковь Сорбонны, и именно там был похоронен кардинал Ришелье. Будучи властным кардиналом и главой Сорбонны, он издал распоряжение о том, что факультет должен быть независим от Парижа и от Франции и подчиняться только Совету Сорбонны. Преподавателям предоставлялась довольно большая свобода, что и было причиной духа независимости, витавшего в университете.

Неожиданно глаза Тревиса вспыхнули, и он, взглянув на дочь, спросил:

— А почему ты не последуешь совету Китти и сама не

отправишься немного попутешествовать? Ты молода. Умна. Красива. Финансово независима. Почему ты ничего не предпринимает в своей жизни? Его слова мгновенно причинили Дани боль.

– Я бы не сказала, что учиться узнавать и любить мою семью означает ничего не предпринимать.

Тревис незамедлительно извинился:

– Прошу прощения. Я не собирался критиковать тебя. – Он пытался заглянуть ей в глаза, а затем страстно произнес: – Я думаю, теперь мы действительно знаем друг друга, Дани. И горячо любим друг друга, поэтому, возможно, именно сейчас настало самое время попробовать и другие вещи в жизни, встретить новых людей, заняться самообразованием, изучить получше мир вокруг тебя.

Она задумчиво кивнула:

– Возможно, ты прав.

Он сунул руку в карман сюртука, вытащил длинный белый распечатанный конверт и протянул его ей. Он был адресован ему в посольство.

– Возможно, тебе стоит начать с того, чтобы совершить последнее путешествие в Монако.

Она робко взяла конверт и извлекла из него сложенное письмо. Пока она пробежала глазами страницы, Тревис объяснял:

– Как ты знаешь, когда Элейн умерла, она была полностью разорена. Из-за своей страсти к игре граф потерял все состо-

ание семьи. Элейн начала продавать свои драгоценности и ценные предметы мебели. Именно поэтому она поддержала план Гевина Мейсона, который едва не увенчался успехом и целью которого было заполучить обманным путем деньги, принадлежащие тебе и Колту.

Дани закрыла глаза от болезненного воспоминания.

– Я не хочу еще раз проходить сквозь все это. Я тут же вспоминаю о монастыре, о том, что случилось, и о том, как я едва не потеряла тебя навсегда.

Он пробормотал что-то, соглашаясь с ней, а затем продолжил:

– Я отправился туда затем, чтобы закрыть имение, сохранить то, что от него осталось, и именно тогда выяснил, что могу оставить имение за тобой, заплатив невыплаченные долги.

– Я никогда не хотела его, – тихо напомнила ему Дани.

– Верно. Тогда ты именно так и сказала. Однако я заметил, что, когда Элейн переехала во Францию, она взяла с собой все то, что имело хоть какую-нибудь ценность из имения Барбоу в Кентукки, все то, что хранило воспоминания о твоей матери и ее семье. Все это снова может вернуться тебе.

Дани покачала головой:

– Я по-прежнему не хочу его. Никогда не хотела снова возвращаться туда. И уж точно не собираюсь жить там.

– Это письмо, – продолжил Тревис, – от адвоката из Тулона, который говорит, что у него есть покупатель на соб-

ственность. Ты увидишь, что предложенная сумма невелика, однако она будет весьма приличным добавлением к твоему банковскому счету.

Дани отложила письмо в сторону, когда Китти зашла на террасу.

– Тогда продай его, – сказала она. – Как я уже говорила, для меня в нем сосредоточены только печальные воспоминания, и я никогда не захочу вернуться.

Китти пожелала им доброго утра, затем Дани рассказала ей о письме.

– Я отдам письмо адвокату до своего отъезда и скажу, что ты принимаешь предложение, – сказал Тревис.

Дани пожала плечами:

– Отлично. Я буду рада, если оно будет продано и навсегда уйдет из моей жизни.

Китти задумчиво слушала ее, а затем промолвила:

– Дани, давай поедem туда.

Дани покачала головой:

– Зачем, Китти? Чтобы ожили старые воспоминания о том, как страшно было, когда тетя Элейн руководила каждой моей мыслью... или как ужасно было расти рядом с таким распутным маленьким монстром, как Гевин? Нет уж, спасибо. Я ничего не забыла в Монако, и у меня нет никаких причин возвращаться туда.

– Я не согласен, – вмешался Тревис.

Дани повернулась и недоверчиво уставилась на него. Отец

и Китти обменялись понимающими улыбками, а затем он сказал:

– Я знаю, почему Китти считает, что ты должна поехать, котенок. В доме все еще хранятся вещи, принадлежащие семье твоей матери, которые тебе, возможно, хотелось бы сохранить. Я не знаю, что может находиться там, поскольку после смерти Элейн я дал адвокату указания закрыть имение и сообщить нам, если кто-нибудь проявит интерес к его покупке. Ты не знаешь, что можно отыскать там.

Дани не хотела ехать, и все же она знала, что Тревис и Китти, вероятно, правы: в имении вполне могло сохраниться несколько предметов, вещей, которые никому, кроме нее, не нужны. Элейн, вне всяких сомнений, продала все, что имело хоть какую-то ценность.

– Ну так что же? – спросила Китти, и полная надежды улыбка окрасила ее привлекательное лицо. – Скажи только слово, и я начну собираться. Мы отправимся в экипаже, чтобы что-то привезти обратно.

Дани все еще сомневалась, что поступает верно. И все же разнообразие не помешает. Возможно, ей понравится и она последует совету Китти и затем немного попутешествует.

В дверях террасы появился Клетус, дворецкий.

Заметив его присутствие, Китти спросила:

– Да, Клетус. В чем дело?

Он кивнул Дани:

– Месье Перри Рибо хочет видеть вас, мадемуазель.

Дани словно окаменела. И как только он посмел прийти с визитом в столь ранний час, без приглашения, особенно после того, как оскорбил ее прошлой ночью?

— Скажите ему, что я не желаю его видеть, — сухо приказала она Клетусу. Затем посмотрела на отца, на Китти и объявила: — Возможно, мне действительно необходимо ненадолго уехать. Отправимся в Монако сразу же, как только соберемся.

Китти радостно захлопала в ладоши. Тревис одобрительно улыбнулся.

Дани, как ни странно, вздохнула с облегчением. Она встретится со своими воспоминаниями и, сделав это, возможно, оставит их навсегда в прошлом... и направится с высоко поднятой головой навстречу будущему... для того, чтобы принимать свои собственные решения, создавать свою собственную судьбу.

Глава 3

Дани и Китти покинули Париж спустя неделю после отбытия Тревиса в Панаму. Он настоял на том, чтобы они отправились на поезде, поскольку южная дорога через Французские Альпы была слишком ухабистой, узкой и опасной. Если бы они отправились в экипаже, то провели бы в пути несколько дней. Кроме того, им бы потребовались кучер и надежная охрана.

Они взяли с собой официальные наряды, поскольку Китти отправила подруге в Марсель послание, в котором сообщала, что они будут проезжать мимо и между поездами у них выдастся немного времени, чтобы выпить по чашечке чая. Подруга незамедлительно ответила, и в ее письме содержалась настоятельная просьба о том, чтобы они остались у нее по крайней мере на пару ночей.

Китти обсудила это приглашение с Дани, указав на то, что они никуда не торопятся и должны наслаждаться каждым мгновением путешествия и извлечь из него как можно больше приятных впечатлений.

– Тебе понравится Рабина Алтондерри, – убеждала она Дани. – Я встречалась с ней, когда она приезжала в Париж, чтобы приобрести необходимые вещи для своего дома, который они вместе с мужем построили в Марселе. Он занимает должность посла в посольстве, и мы вчетвером посещали

различные светские рауты.

Мы также разделяем восхищение работами Ван Гога, – продолжала Китти, – и Рабине повезло найти одну из его прелестных работ, «Портрет папаши Таити». Это случилось незадолго до смерти художника. Можешь представить, сколько она стоит сейчас?

Они добрались до Марселя утром, комфортно проведя ночь в отдельном купе, которое предусмотрительно зарезервировали заранее. Дани проснулась с первыми лучами солнца и в изумлении стала наблюдать за открывавшимся из окна захватывающим пейзажем. Она всегда считала деревенский пейзаж прелестным, ведь он был столь богат экзотическими растениями – апельсиновое дерево, эвкалипт, лимон, олива и розовый лавр, наполнявший воздух своим ароматом. Пальмы и кактусы придавали местности облик далеких тропиков.

Насколько знала Дани, Марсель был одним из самых больших морских портов Франции. Она никогда прежде не видела кобальтово-синих миниатюрных заливов, напоминающих фьорды, однако слышала, что они очень красивы. Она также страстно желала посмотреть легендарный замок Иф, из которого сумел совершить побег таинственный герой Дюма граф Монте-Кристо, а также маленькие, сверкающие на солнце, словно драгоценности, белые песчаные пляжи возле Кавалер, Лаванду и Памплонь.

Едва они сошли с поезда и теплое летнее солнце обогрело их своими ласковыми лучами, как их встретил кучер в рос-

кошном пурпурном атласном сюртуке с белыми лацканами, в белых обтягивающих панталонах для верховой езды и ботфортах из сверкающей черной кожи. Он снял белую шляпу рукой, обтянутой безукоризненно белой перчаткой, и поклонился:

– Мадам и мадемуазель Колтрейн. Меня зовут Альфонс, я являюсь кучером мадам Алтондерри и, как только погрузу ваши саквояжи, отвезу вас в Дерриато. Прошу вас, пройдите со мной к экипажу.

Когда он отвернулся, Дани и Китти обменялись веселыми взглядами, и Китти, захохотав, прошептала:

– Дерриато! Хотя из всего того, что рассказывала мне сама Рабина, и из рассказов в парижских кругах я могу сделать вывод, что они построили одно из самых великолепных имений во всей Европе, я все же нахожу его название довольно забавным.

Они все еще смеялись, когда подошли к ожидавшему их экипажу, однако тут же притихли, замерев на мгновение в благоговейном восторге. Экипаж был выкрашен в пурпурный цвет, а колеса – в золотой. Сиденья внутри него были покрыты пурпурным и золотистым бархатом. Шесть прекрасных белых лошадей, украшенные пурпурными и золотыми сбруями с золотыми и пурпурными парчовыми попонами, готовы были в любое мгновение сорваться с места.

– Леди обожает пурпурный, и мне непременно нужно было выбрать сегодня именно это красное платье – кошмар! –

сокрушалась Дани.

– А мое желтое не слишком-то красиво рядом со всем этим золотом, – пробормотала Китти. – Но согласишься, все это довольно элегантно.

– Существует, – сказала Дани с шутливо-высокомерным смешком, – едва заметная граница между элегантностью и... хвастовством.

Они снова залились веселым смехом, и Дани было хорошо, хотя ее вдруг кольнуло сожаление – как много прекрасных лет отрочества и детства пропустила она. Жизнь с Китти, ее приемной матерью, была бы Божьим благословением. Это были бы чудесные времена... полные счастья годы... оставляющие многочисленные прекрасные воспоминания.

Она прогнала прочь печаль. Не надо, напомнила она себе, запирается в темнице прошлого. Много яркого, солнечного света ожидало ее впереди.

Альфонс вернулся с носильщиком, тащившим тележку с их багажом. Они уже все погрузили и были готовы вот-вот пуститься в путь. Дани, вздрогнув от возбуждения, ликующе призналась Китти:

– О, я так рада, что ты приняла это приглашение! Думаю, нас ожидает множество удовольствий!

Китти согласилась, что их визит обещает быть весьма удачным, однако добавила:

– Я не стала говорить тебе о Каристе, дочери Рабины. Вы с ней приблизительно одного возраста. Я видела ее лишь од-

нажды, когда она приезжала домой из Швейцарии, где училась в колледже.

– Новая подруга! – воскликнула Дани. – Это же чудесно! Китти чуть нахмурила брови:

– Надеюсь, что так. Правда, мне тогда показалось, что Кариста – очень испорченная, высокомерная девушка. И это весьма печально, поскольку внешне она настоящая красавица.

Дани искренне огорчилась. Мачеха не относилась к тому типу людей, которые стали бы критиковать без веской на то причины... и вообще она редко кого-нибудь осуждала. Ну что ж, решила Дани, в течение двух дней можно вынести компанию кого угодно.

Она отбросила все мысли и наслаждалась красотами раскинувшегося перед ней живописного пейзажа. Дани радостно поделилась с Китти своим восхищением. Мачеха кивнула и поведала ей об ожидавшем их впереди великолепии поместья:

– Двадцать акров земли, сто двадцать комнат, окна которых выходят на Средиземное море. За стенами Дерриато скрываются мавританские изразцы из Испании, фрески из Флоренции, потолок выполнен в стиле Венецианской академии, а стофутровая башня замка, с которой можно беспрепятственно созерцать панораму моря и неба... – она сделала глубокий вдох и медленно, благоговейно выдохнула, – ... настоящая фантазия, воплощенная в жизнь.

Дани пораженно молчала целую минуту, прежде чем, проглотив комок в горле, спросила:

– А откуда у них деньги? Я никогда не слышала прежде, чтобы подобные дворцы принадлежали лицам, не являющимся членами королевской фамилии.

– Оба, Рабина и Лоудлум, родом из старинных и весьма богатых европейских семей. Лоудлumu принадлежат несколько греческих кораблей. А Рабина сделала удачные вложения в алмазные копи в Африке.

Экипаж свернул с узкой дороги на широкую, чистую, аккуратно огороженную булыжниками аллею. По обе ее стороны росли цветущие кустарники гибискуса. Газон перед домом походил на безмятежное море зеленого бархата, усеянное тут и там клумбами роз, лилий и гортензий.

Лошади неторопливо двигались по кругу, объезжая фонтан с каскадом сияющих водяных брызг, украшенный пылыми херувимами.

Экипаж остановился, и мгновенно появился слуга, облаченный в пурпурный с золотом камзол, чтобы помочь дамам выйти.

Неподалеку суежилась молоденькая девушка, одетая в простое платье из белого хлопка – воротник-стойка, длинные рукава слегка присборены на плечах и чуть суживаются к запястьям. Фартучек из пурпурного поплина закрывает длинную прямую юбку. Ее темные волосы под маленьким белым чепчиком с кружевами зачесаны назад и убраны в стро-

гий пучок.

Она выступила на шаг вперед и представилась Франсин, их хозяйкой в юго-восточном крыле второго этажа, который отдавался в их полное распоряжение на время их пребывания в имении. Она сообщила, что госпожа Алтондерри будет ожидать гостей к обеду в половине первого. А пока она покажет им их покои, чтобы они могли освежиться и отдохнуть с дороги.

Услужливый дворецкий распахнул перед ними высокие сводчатые двери из кипариса, украшенные резными позолоченными херувимами.

Они вошли в вестибюль и невольно сощурились от сияния позолоченного потолка и шести огромных хрустальных люстр. На полу лежал великолепный красно-синий ковер, вдоль стен стояли бронзовые скульптуры.

Дани хотелось бы осмотреться вокруг, однако ей удалось окинуть взглядом лишь высокий потолок – они повернули к широкой витой лестнице с резными перилами из красного дерева. Ступеньки были покрыты парчой с вышивкой из белых роз на зеленом фоне.

На втором этаже Франсин попросила их проследовать за ней налево. Здесь они попали словно в отдельный дом, поскольку вход в юго-восточное крыло открывали такие же двойные, украшенные ангелочками двери, как и внизу, но меньше по размеру.

Словно повинувшись невидимому сигналу, казалось, из ни-

откуда, появился дворецкий и распахнул перед ними двери. Выложенный мрамором коридор освещали миниатюрные хрустальные светильники, а стены его были задрапированы редким шелком венецианской вышивки.

Посередине коридора Франсин остановилась перед расположенными напротив двойными дверями. Она указала Дани налево, а Китти – направо. Затем объяснила, что в их распоряжении будут две служанки, дворецкий, экономка и парикмахер, которых они могут потребовать в любое время. Если им что-либо понадобится, то им стоит лишь дернуть за золотой бархатный шнурок в покоех каждой из них, как мгновенно необходимые услуги будут предоставлены.

Франсин присела в глубоком реверансе и улыбнулась:

– Добро пожаловать в Дерриато. Надеюсь, ваше пребывание будет приятным. Багаж незамедлительно будет доставлен в ваши апартаменты.

Прогуливаясь по своим комнатам в ожидании багажа, Дани была потрясена великолепием убранства. В ее распоряжении находились гостиная, небольшой обеденный зал, окна которого являли широкую панораму сверкающего моря, и две невероятных размеров спальни, к каждой из которых прилегали ванная комната и туалет, а также комната для одевания.

Она выбрала спальню, в которой были большие окна; она будет наслаждаться утренним чаем за маленьким мраморным столиком и любоваться прекрасным видом.

Наконец прибыли ее вещи, а вместе с ними и личная горничная, Корин, молодая, невыносимо болтливая и, как вскоре выяснила Дани, в некотором роде нахальная.

Дани рассматривала бледно-голубую шелковую юбку, которую намеревалась надеть на обед, когда Корин завизжала от восторга, вытаскивая из саквояжа вечернее платье из изумрудного бархата.

– О, вы непременно должны надеть его сегодня вечером! Какой лиф! Он же украшен жемчужинами и рубинами! Невероятно изысканно! Несомненно, – презрительно фыркнула она, – мадемуазель Кариста станет от зависти зеленой, как это платье.

Дани осторожно взяла платье у нее из рук. Она заказала его специально к рождественскому подарку отца – ожерелью из бриллиантов и изумрудов и гармонирующим с ним сережкам. Предусмотрительно игнорируя выпады служанки в отношении ее молодой хозяйки, она спросила:

– Сегодня вечером намечается нечто большее, чем официальный ужин? Какое-то торжество?

Корин с удовольствием поделилась с ней слухами:

– О да! Прием запланировали прежде, чем вы и мадам Колтрейн прислали письмо, сообщающее о вашем визите. Видите ли, – она понизила голос до возбужденного шепота, – мадемуазель Кариста надеется объявить о своей помолвке. Молодой человек, замуж за которого она хочет выйти, прибыл из Парижа и находится у нас вот уже более месяца.

Дани хотела прервать разговор на столь интимную тему.

– Я надеюсь, ее ожидания оправдаются. – Она отложила платье. Если предстоящий вечер должен быть особым для Каристы Алтондерри, она ни в коем случае не станет царицей бала и не будет воровать у хозяйки полагавшееся ей законное внимание.

Корин продолжала сплетничать, пока они распаковывали вещи, которые, по мнению Дани, могли понадобиться ей во время короткого визита. Дани слушала вполуха.

– Он из России, – говорила Корин о мужчине, за которого собиралась выйти замуж Кариста Алтондерри, – и весьма красив. Все женщины без ума от него, однако до сих пор никому не удалось покорить его сердце. А мадемуазель Кариста настолько самонадеянна и высокомерна, что вообразила, будто именно она станет его избранницей.

– Возможно, она ею и станет, – возразила Дани. – Если он провел здесь более месяца, с его стороны, значит, есть нечто большее, чем просто мимолетный интерес.

– Ха! В таком случае куда же он отправляется каждое утро? Никому не рассказывает о своих визитах и похождениях. Ходит слух, что он видится с другими женщинами, – насмешливо заметила Корин.

Дани пожала плечами.

– Значит, мадемуазель Кариста допускает ошибку, предлагая ему гостеприимство, – проронила она, чувствуя, что сплетничать со служанкой нехорошо, что скорее всего этот

русский поклонник обыкновенный охотник за приданым, надеявшийся подцепить самую богатую из всех доступных ему женщин. Она еще не встречала его, однако уже испытывала к нему отвращение и впервые подумала, что им нужно было продолжать путешествие в Монако, не нанося визита совершенно незнакомым ей людям. Впрочем, она тут же отчитала себя за эгоистичные мысли. Китти хочет навестить своих друзей, а она потерпит, будет вежливой и милой во время этого короткого визита.

Корин продолжала громко болтать, заканчивая распаковывать вещи, затем Дани отправила ее, попросив, чтобы она вернулась за час до обеда и наполнила ей ванну.

Она устроилась поудобнее перед окном, собираясь насладиться видом и драгоценными минутами уединения.

Дани очень нравилось путешествовать, и она решила, что в будущем непременно будет независима и снова отправится в путешествие. Она уже не маленькая девочка, которая находится во власти приличий и условностей. Впредь она не попадет под чье-либо влияние, будет прислушиваться только к собственным желаниям.

Совсем скоро, как ей это показалось, вернулась Корин, незамедлительно передав новые сплетни:

– Похоже, мадемуазель Кариста ожидает, что ее поклонник из России согласится на объявление их помолвки. Я подслушала ее спор с матерью, разразившийся из-за того, что она отправляет специальных гонцов с приглашениями на ве-

чер. — Она осуждающе покачала головой. — Это неприлично. Никто, ни один человек, не станет распространять или принимать приглашения в столь поздний час. Но, — она устало вздохнула, — мадемуазель поступит по своему усмотрению, как всегда, впрочем.

Дани молчаливо согласилась, что приглашать людей на прием за несколько часов до его начала необдуманно. Ей казалось, хотя она снова не сказала этого вслух, что Кариста Алтондерри пытается надавить на своего русского возлюбленного.

Улыбка коснулась уст Дани. Видно, вечер окажется весьма забавным. Все же интересно, кому же удастся выиграть эту битву умов или сердец...

Едва Дани вышла из своих апартаментов, как тут же в дверях напротив появилась Китти. Дани не терпелось сообщить Китти о напряженной атмосфере, которая, несомненно, будет царить во время обеда, однако она не смогла сделать этого, ибо рядом с ними все время находилась Франсин, указывающая путь вниз.

Они спустились в зал первого этажа, окна которого выходили на расположенный за домом сад. Двойные двери из витражного радужного стекла были распахнуты, открывая широкую террасу, перед которой во всем своем великолепии раскинулось лазурное море. По обе стороны от нее росли пышные кусты благоухающей сирени, белых и желтых тубе-

роз. Большие фарфоровые кадки с анютиными глазками и петуниями стояли внизу на бордюре.

День выдался чудесный: чистое, голубое небо сверкало, с моря дул приятный, нежный бриз.

Рабина Алтондерри поднялась из-за овального стеклянного стола, отделанного металлом. Она была среднего роста, худощавая, и хотя ее лицо нельзя было назвать красивым, оно было не лишено мягкого, теплого обаяния. Обрамленные густыми ресницами карие глаза приветливо смотрели на Дани. Темные волосы были убраны в узел и закреплены жемчужной заколкой. Она надела простое, но изысканное платье из светло-голубого шелка. Юбка скрывалась под длинным, изящным передником из белоснежного кружева.

Она сделала несколько шагов вперед, протянула руку Китти, расцеловала ее в обе щеки:

– Я очень рада, что вы приняли мое приглашение. Мы так давно не виделись!

Она повернулась к Дани, протянула ей руку. Китти представила их друг другу.

– Добро пожаловать в мой дом, деточка. Ты и правда красива, как твой отец описывал в своем последнем письме.

Дани почувствовала, как слегка покраснели ее щеки, но не от смущения – скорее от любви к отцу, который писал о ней с обожанием.

Рабина предложила им сесть и налила вина в хрустальные бокалы на длинных ножках.

– Я храню это вино для особых случаев, для особенно дорогих друзей. Настоящее бургундское из Бонне, – любезно пояснила она.

Дани взглянула на два пустых места за столом, однако ничего не спросила. Китти же из любопытства поинтересовалась:

– Лоудлум и Кариста присоединятся к нам позже?

Дани заметила, что Рабина растерялась, и, натянуто улыбувшись, с фальшивой беззаботностью произнесла:

– О, Лоудлум уже более трех недель находится в Барселоне по делам. Однако я ожидаю его сегодня. У Каристы какое-то время гостит друг, и на сегодняшний вечер мы планировали небольшой званый ужин.

Да уж, званый ужин, вторила ей молчаливым эхом Дани, подавляя гримаску.

– Она должна скоро появиться. Полагаю, они катаются где-нибудь верхом или что-то в этом роде. – Она предпочла сменить тему разговора, увлекшись расспросами о светской жизни Парижа.

Дани слушала в вежливом молчании, и они уже почти закончили с едой, когда на террасу ворвалась молодая девушка, внезапно остановилась и окинула Китти и Дани откровенно наглым взглядом.

Рабина сглотнула, чуть откашлялась. Похоже, она испытывала ужасную неловкость за поведение дочери.

– Кариста, присядь, пожалуйста. Я хочу, чтобы ты поздно-

ровалась с нашими гостями – мадам Китти Колтрейн и ее приемной дочерью Дани.

Дани улыбнулась, однако ответной улыбки не последовало.

Кариста неохотно заняла свое место, отмахнувшись от слуги, который сделал шаг вперед, чтобы придержать ее стул.

Длинные локоны медово-золотистого оттенка свободно падали на ее обнаженные плечи. На ней были тесная атласная блузка с глубоким вырезом, открывающим пышную грудь, и брюки для верховой езды из черной замши – узкие и обтягивающие длинные, красивой формы ноги. Серебряные шпоры на ботфортах чуть позвякивали.

Губы, покрашенные ярко-красной помадой, были недовольно надуты. Щеки горели от злости, а глаза метали молнии.

Рука Рабины затряслась, когда она потянулась за бокалом. Сделав большой глоток, она осмелилась спросить:

– А где наш гость? Он...

– Ну почему же, здесь, конечно! – резко перебила ее Кариста, ткнув пальцем в сторону Китти и Дани. – Вот наши гости, мама. Сегодня вечером все будут невероятно рады встретить знаменитых Колтрейнов из Парижа.

Рабина в изумлении покачала головой.

Китти и Дани обменялись озадаченными взглядами, хотя Дани и догадывалась о том, что послужило причиной столь эксцентричного поведения Каристы Алтондерри.

Рабина наклонилась и нежно дотронулась до руки дочери:

– Мы поговорим позже, дорогая. Позволь нам насладиться приятным обедом.

Кариста, подумала Дани, была бы красива, если бы не этот кислый, неприятный взгляд, казалось, навсегда застывший на ее лице, а не просто возникший под влиянием настроения. Похоже, ничто в жизни не доставляло Каристе истинного удовольствия, и каждый, с кем она общалась, вызывал ее недовольство.

Напряженность ощущалась почти физически, когда Рабина и Китти пытались повести обычный светский разговор. Что-то совершенно точно было не в порядке, но никто не осмеливался спросить. Дани было любопытно, но после ничем не вызванного враждебного взгляда Каристы она решила, что не стоит связываться с этой высокомерной особой. Если таинственный русский сумел воспротивиться ее запугиваниям и отказался объявить о помолвке, которой он не хотел, то это было ему же на благо, решила Дани.

Неожиданно Кариста вскочила так стремительно, что ее бокал вина опрокинулся. Она швырнула в сторону салфетку и обратила полные ненависти глаза на мать:

– Отмени прием сегодня. Драгомира вызвали обратно в Париж. Его здесь не будет, а я без него присутствовать не собираюсь.

Рабина сказала осторожно:

– Дорогая, неприятно, что Драгомиру пришлось так вне-

запно отбыть, и я знаю, как ты разочарована, но, согласишься, было бы неверно менять наши планы. В конце концов, Китти и Дани тоже наши гости, и мы, несомненно, хотим, чтобы наши друзья встретились с ними. — Она погладила руку дочери. — Возможно, тебе стоит пойти и прилечь ненадолго. Ты почувствуешь себя лучше.

Кариста судорожно дернулась от ее прикосновения и пронзила ее взглядом.

— Что ты знаешь? — завизжала она.

Рабина встала, наконец потеряв терпение. Ухватившись за стол в поисках опоры, она встретила дерзкий взгляд дочери.

— Ты извинишься перед нашими гостями, а затем оставишь нас и отправишься в свою комнату.

— Я не обязана извиняться! — закричала Кариста. — Я ничем не обязана новоявленным буржуа!

Рабина ахнула. Дани и Китти застыли. Кариста повернулась, убежала с террасы и исчезла внутри дома.

Рабина тяжело опустилась в кресло, глубоко вздохнула и обратила полные слез глаза на Дани и Китти:

— Я сожалею. Ужасно сожалею. Что я могу еще сказать?

Китти призвала на помощь юмор, пытаясь ослабить напряженность ситуации:

— Мне, возможно, и не понравилось, что меня отнесли к среднему классу, Рабина, но в мире есть вещи и похуже.

Дани ничего не сказала.

Рабина покачала головой, взяла маленький серебряный

колокольчик, лежавший возле ее тарелки, и позвонила. Мгновенно появилась служанка. Рабина указала на беспорядок, учиненный Каристой, и сделала рукой знак все убрать. Затем налила себе еще один бокал вина.

Китти предложила:

– Мы немного устали от нашего путешествия, Рабина, поэтому, возможно, нам стоит удалиться в наши апартаменты, и, если ты предпочитаешь отменить свои планы на сегодняшний вечер, пожалуйста, забудь о нас. Для нас это действительно не имеет никакого значения.

– Нет! – воскликнула Рабина. – Мы устроим прием. Я пыталась сказать Каристе, что она торопит ход событий... – Ее голос сорвался, а глаза едва заметно расширились, когда она вдруг осознала, что не было никакой необходимости сообщать позорную историю о дочери важным и влиятельным друзьям.

Она исправилась, изобразив на лице жалкое подобие улыбки:

– Вы знаете, как порывисты бывают молодые девушки, желая выставить напоказ своих кавалеров. С Каристой все будет в порядке, и я обещаю вам, что сам Лоудлум проследит за тем, чтобы она принесла вам извинения за свое непростительное поведение.

Позже, когда они остались одни, Дани поведала Китти о том, что ранее узнала от Корин.

– Ну что ж, я нисколько не удивлена, – сказала Китти. – Если бы я знала, что в деле замешан Драгомир, я бы ожидала нечто подобное.

Дани сощурилась в удивлении:

– Ты знаешь этого русского?

Китти кивнула, мягко улыбнувшись.

– Я много слышала о нем. У него есть определенная репутация в отношениях с дамами. О, я без труда понимаю, почему они охотятся за ним. Он красив, очарователен, образован – свободно говорит на пяти языках. Кое в чем он напоминает твоего отца, за исключением того, что твой отец не был богат, когда я встретила его. Драгомир же, как говорят, богат баснословно.

Я встречала его на нескольких вечерах, посвященных открытию галерей, – задумчиво продолжала она, вспоминая. – Он всегда был предельно обходителен, но... вокруг него витает некая таинственная аура, словно на самом деле он вовсе не такой, каким стремится казаться. – Неожиданно Китти покачала головой. – Это не имеет никакого значения. Мне жаль Каристу, но ей следовало быть готовой к подобному повороту. Как бы там ни было, она вовсе не кажется мне милой.

Дани разделяла ее чувства по отношению к Каристе, и до Драгомира ей тоже не было никакого дела, каким бы таинственным и завораживающим он ни был. Произошедшее только еще раз доказало верность ее собственной позиции в отношении мужчин: стоит им только позволить затронуть

сердце, как они незамедлительно установят контроль над разумом и духом.

Кариста просто дурочка.

Дани никогда не позволит, чтобы подобное произошло с ней.

Она сама владела своим сердцем, своим разумом, своим духом... и, даст Бог, все так и останется в дальнейшем!

Глава 4

Прием Рабины прошел с большим успехом, несмотря на то что Кариста закрылась в своих комнатах и отказалась выходить. Даже непрерывный град тяжелых ударов, которые обрушил на дверь ее покоев Лоудлум, сначала спокойный и рассудительный, а затем начавший грозить, что изувечит ее, не убедил Каристу отказаться от самоналоженного изгнания. Перед гостями извинились, заявив, что дочь хозяйки заболела, и даже если и ходили слухи и домыслы о таинственном отсутствии гостя Каристы, то они были не слишком слышны.

Дани и Китти провели замечательный вечер, забыв о напряженной атмосфере в особняке. Они встретили множество новых людей, танцевали всю ночь напролет и с наслаждением выпили так много бокалов искристого шампанского, что до конца ночи были легкомысленны и постоянно хихикали.

Они решили отбыть утранным поездом в Монако, а не оставаться еще на один день, как планировали вначале. Они боялись, что их присутствие только усилит смущение Рабины из-за отвратительного поведения Каристы.

Ночь они провели в маленькой гостинице в Монако, а на следующее утро приказали приготовить им двух лошадей, чтобы они могли ехать в имение верхом. Дани предвкушала, как будет чудесно немного размяться, после долгого путе-

шествия в поезде проскакать верхом на лошади, вместо того чтобы трястись в экипаже. Их багаж должны были отправить вслед за ними.

Ветер хлестал их по лицам, когда они миновали крутой поворот дороги, а затем обе натянули вожжи, неожиданно и резко остановившись. Впереди, спрятавшись под выступами гор, раскинулся суровый замок де Бонне. Стены из серого камня, казалось, сливались с пасмурным утром, а появлявшийся время от времени туман создавал впечатление, что вся постройка словно ожила и медленно движется.

– Что за угрюмое место! – ахнула Китти. – Удивляюсь, как кому-то в голову могла прийти идея приобрести его за гораздо меньшую цену, чем ты получишь.

Дани не могла не признать, что тоже была удивлена, услышав сумму, предложенную за имение.

– Возможно, земля стоит чего-нибудь. А может, они вообще собираются снести замок.

Виноградник, растущий на обочине дороги, разросся, сад представлял собой печальное зрелище: клочки травы, сорняки.

Дани обреченно покачала головой:

– Не много времени нужно для того, чтобы место совершенно одичало, когда никто не заботится о нем, не так ли? – Она кивнула в сторону ворот, которые едва висели на оборванных петлях. Китти согласилась, смотря на пожелтевшие, покрытые грязью окна.

Остаток пути они проехали шагом и спешили возле ворот. Китти хотела обследовать сад, но там было совершенно нечего смотреть, поскольку грядки, за которыми Элейн ухаживала в течение стольких лет, теперь сплошь заросли сорняками.

Дани предложила ей совершить небольшую экскурсию по имению. Указав на маленький каменный домик, стоявший на соседнем холме, она сказала, что когда-то он принадлежал управляющему и там жила Бриана.

Китти нахмурилась. Ей рассказали о том, что заставило Бриану стать участницей грязного плана Гевина Мейсона, который стремился наложить лапу на наследство Дани и Колта. Она понимала, что должна испытывать сострадание к тому, что девушка продала свою душу для того, чтобы получить медицинскую помощь для своего больного младшего брата. И все же имя молодой женщины пробудило в ней неприятные воспоминания.

Замок был построен на ровном плато, которое резко обрывалось, заканчиваясь отвесным обрывом над опасными, выступающими внизу скалами. Темная вода, подгоняемая бушующим ветром с моря, покрывала скалы клочками пены.

Они прошли на задний двор; здесь Дани остановилась, безучастно глядя на первое с юга окно второго этажа. Как раз под этим окном находился маленький балкончик.

– Говорят, она выпала из окна своей спальни. – Она отвела взгляд и посмотрела вниз, на жадные, пенящиеся вокруг

острых скал волны. — Они нашли ее там.

Китти задрожала, представив себе страшную картину, и повернулась к тропинке, ведущей на передний двор имения. Какое ужасное место для маленькой девочки, которая воспитывалась здесь злой Элейн Барбоу. Китти была искренне рада, что ничто больше не заставит Дани вернуться сюда после того, как они покинут это место.

Дани вытащила из кошелька ключ, который дал ей Тревис, и поднялась по ступенькам, ведущим к парадной двери. Неохотно, издав громкий и хриплый скрип, дверь растворилась.

Их встретила абсолютная темнота, и, ступив внутрь, Дани ахнула — липкая паутина коснулась лица. Отмахиваясь от нее, она раздраженно вскрикнула:

— Давай раскроем все ставни и окна! Не важно, что на улице промозгло и холодно, я хочу пустить хоть немного свежего воздуха и света в эту... эту могилу.

Они бродили по первому этажу, Китти тоже старалась поскорее оживить этот мрак. Когда сквозь угрюмые окна заструился свет, она огляделась по сторонам и почувствовала приятное облегчение, увидев, что ничего не разграблено. Остались несколько предметов обстановки, некоторые безделушки. Пока она не могла определить, обладали ли они хоть какой-то ценностью.

— Похоже, что кое-что мы все же отыщем здесь, — окликнула она Дани. — Не много, конечно, но кое-что... — Ее голос

замер, когда она услышала шаги Дани, поднимающейся на второй этаж.

Спустя несколько минут Дани вернулась, широко улыбаясь Китти:

– Видно, никто не заходил в мою комнату. Даже одежда все еще находится там. Странно, – продолжала она, – покинув монастырь, я незамедлительно отправилась в Париж. Я отказалась возвращаться сюда, не могла вынести самой мысли о том, чтобы снова оказаться в этом преисполненном холода и ненависти доме. Но сейчас я спокойна и не переживаю, как раньше.

Китти поспешно прошла по мраморному вестибюлю, не обращая внимания на песок и грязь, потрескивавшие под ногами. Обвив руками Дани, она крепко прижала ее к себе:

– Я так рада слышать это. Я молилась о том, чтобы не пожелать, что предложила тебе вернуться.

Дани заверила ее, что нисколько не сожалеет, и добавила:

– Я рада, что ты со мной. Полагаю, в следующие несколько дней нас ожидает много интересного.

Глава 5

Дани и Китти провели в Монако уже целую неделю, и обе были абсолютно убеждены, что время, потраченное на путешествие, прошло не зря. Возможно, Элейн и распродала большинство ценных предметов обстановки и произведений искусства, однако им все же посчастливилось найти несколько вещей, которые обрадовали Дани. А кроме того, они прекрасно провели время в Монте-Карло, наслаждаясь сверкающей ночной жизнью и посетив знаменитое казино.

Однажды они отправились к скалистому склону, который раскинулся над небольшим виноградником в северной части имения. Там находилось фамильное кладбище. Ведущая вверх крутая, извилистая тропинка почти полностью заросла сорняками. Пейзаж вокруг потрясал своим величием, и даже унылый вид разрушенного кладбища не помешал восторгу Китти и Дани.

В центре стояла большая простая мемориальная доска, на которой было вырезано «Де Бонне». Вокруг нее расположились маленькие, гораздо менее впечатляющие надгробия. Они прошли по их рядам, пока не нашли ту, на которой значилось «Клод», а возле нее маленький деревянный крест, вне всяких сомнений, сделанный владельцем похоронного бюро, на котором корявыми буквами было нацарапано: «Элейн».

Китти задумчиво вздохнула:

– Как это печально – быть известной при жизни, но забытой после смерти...

Дани кивнула. Она бы гораздо с большим удовольствием предпочла тихо прожить свою жизнь, чтобы ею дорожили окружающие люди, и потом, когда она уйдет, вспоминали бы ее с добротой.

– Я не хочу, чтобы ты ненавидела Элейн, Дани. Дани изумленно повернулась к Китти:

– Ты ведь не ожидаешь, что я полюблю ее?

– Нет. Лучше всего, если бы ты вообще ничего не чувствовала. – Она опустилась на колени подле могилы и отрешенно выдернула несколько сорняков вокруг жалкой таблички и отбросила их в сторону. – Я немного рассказывала тебе о своем прошлом, о людях, которые сильно ранили меня. Очень долго я тоже ненавидела их, а потом поняла, что воспоминания не приносят такой боли, если я представлю, что эти люди и то, что они сделали мне, никогда не существовали. Будто это мне просто приснилось.

Она чуть помолчала, покачав головой, а затем вдруг горько рассмеялась.

– Полагаю, найдутся те, которые скажут, что я бежала от реальности, но почему я не должна делать этого? Я не могла переделать свое прошлое, так почему же я должна мучить себя?

Поднимаясь, она указала на грубый холмик грязи и камней, который был теперь вечной могилой Элейн Барбоу де

Бонне.

– Если бы ей удалось представить, что Тревис никогда не существовал, никогда не пренебрегал ею ради ее сестры, то мы бы не стояли здесь теперь. Но она не смогла простить его, ни на миг не отказываясь от желания отомстить.

Дани поняла Китти. Действительно, настало самое время повернуться спиной к прошлому, забыть все, что случилось.

– Пойдем, – прошептала она. – Теперь у меня есть все, за чем я приезжала.

Они пошли обратно по тропинке, и Китти рассказывала о визите Колта в имение, во время которого ему удалось отыскать Бриану. Дани неожиданно остановилась и возбужденно воскликнула:

– Винный погреб! Нам не пришло в голову спуститься туда и осмотреть его. Там, может быть, есть кое-что помимо нескольких бутылок вина.

Китти согласилась, хотя призналась, что опасается спуститься в погреб.

– Колт говорил, что ступеньки там такие высокие и глубокие, что кажется, будто они ведут в недра самой земли.

Дани спускалась туда всего несколько раз, когда была совсем ребенком, выполняя указания Элейн, вспомнить которые она сейчас уже не могла.

– Нам понадобятся факелы, – сказала она.

Раздобыв факелы, они подошли к деревянной решетке погреба со стороны имения и, объединив усилия, с огромным

трудом оттащили ее. Мгновенно в лицо им ударил сырой, застоявшийся воздух.

– Ты уверена, что хочешь спуститься? – с сомнением спросила Китти.

Дани сказала, что абсолютно уверена, а затем поддразнивающе добавила:

– Это все твоя вина, знаешь ли. Ты приучила меня ценить старинные вещи. Хотя я и понятия не имею, пригодится ли вообще все то, что мы увозим отсюда. Возможно, мне стоит открыть антикварный магазин. Собственный маленький антикварный магазинчик...

Она засмеялась, однако смех затих, когда она посмотрела на Китти. Та серьезно смотрела на нее.

Идея об открытии антикварного магазина не казалась ей столь уж легкомысленной и безрассудной.

– А я могла бы брать на себя исполнение твоих обязанностей, когда ты будешь путешествовать по Европе в поисках новых поступлений для своего магазина! – с воодушевлением воскликнула Китти.

– И это было бы достойной целью путешествий, – отозвалась Дани. – Не могу сказать, что остро нуждаюсь в этом, но магазин даст мне возможность заниматься чем-то своим, какую-то цель в жизни.

Они крепко обняли друг друга, затем Дани предложила еще раз:

– Давай спустимся. Возможно, внизу мы найдем что-ни-

будь стоящее.

Когда они наконец спустились на дно погреба, то мгновенно осознали, что он был совершенно пуст.

Ничего не оказалось даже на сотне полок для винных бутылок.

Дани явно расстроилась:

– Наивно было полагать, что эти вандалы не пробрались сюда. На решетке не было замка, и наверняка каждый знал, что в имении непременно есть погреб для хранения горячительных напитков.

Китти приподняла факел, свет которого причудливо заиграл на каменных стенах.

– Но раз уж мы спустились сюда, давай осмотримся. Возможно, нам посчастливится найти старую коробку с посудой или что-нибудь припрятанное в углу. Если здесь было достаточно места для того, чтобы Гевин Мейсон сумел скрыть золото Колтрейнов, то наверняка отыщется уголок для нескольких старых забытых коробок или бочонков.

Они осторожно пробирались по подземелью, перешагивая через камни, грязь, натыкаясь на осколки разбитых винных бутылок. Дани шагнула под лестницу, ничего не заметила, отвернулась, а затем задумалась. Действительно ли она ничего не видела? Она вернулась обратно, вытянула руку с горящим факелом и повнимательнее осмотрелась вокруг.

Она увидела какое-то странное железное кольцо, висящее в каменной стене. Медленно и осторожно она прошла впе-

ред, а когда кончики пальцев коснулись холодного металла, она слегка задрожала.

Китти с надеждой в голосе окликнула:

– Видишь что-нибудь?

– Кольцо в стене.

Китти поспешила присоединиться к ней, быстро осмотрела кольцо, ощупала стену.

– Это может быть... – начала она возбужденно, а затем вскрикнула: – Действительно! Потайная дверь!

Я чувствую щель в камне. Здесь. Помогите мне сдвинуть ее.

Они осторожно отложили факелы в сторону, изо всех сил ухватились за ржавое кольцо и потянули за него.

Последовал скрипучий звук старого камня о другой камень, а затем дверь медленно открылась – и снова их окутал плотный, мертвый запах.

Дани схватила факел и ступила внутрь, не испытывая ни малейшего трепета или страха. Мгновенно взгляд ее натолкнулся на прямоугольный деревянный ящик, задвинутый к дальней стене. Он был совсем небольшой, возможно, размером с маленькую крышку стола, толщиной около фута.

– О, там должно быть что-то ценное! – воскликнула Дани. – Если бы это было не так, зачем прятать его здесь?!

Китти была более осторожна:

– Давай поднимемся наверх, там откроем его и посмотрим, что тебе удалось обнаружить.

Ящик оказался нетяжелым, и они подняли его вверх по

лестнице, приложив минимум усилий. Как только они оказались внутри дома, стало очевидно, что им понадобятся некоторые инструменты, чтобы открыть ящик. Дани вспомнила, что видела их в домике управляющего, быстро сбегала туда и все принесла.

Дани стала открывать ящик, а Китти следила за ее движениями и предупредила:

– Не торопись. Ты ведь не хочешь повредить то, что находится внутри.

Взломав доски, они насторожились, ибо внутри увидели еще ящик с соломой.

– Картины! – ликующе закричала Китти. – О, Дани, позволь мне посмотреть, позволь посмотреть!!!

Дани отодвинулась чуть в сторону, зная, что Китти сможет верно определить, ценно ли найденное ею сокровище.

– О, не могу поверить!

Дани была вне себя от нетерпения:

– Что? Что? Китти, если ты не скажешь мне... Китти взглянула на нее глазами, полными счастливых слез:

– Руссо. Я знала, что его работы где-то существуют. И здесь! – Она вытащила еще одну. – Добиньи.

Всего внутри ящика находилось шесть произведений, и, по мере того как они вытаскивали их, Китти объясняла Дани, что, по ее мнению, они обнаружили.

– В середине нашего века некоторые художники взбунтовались против студийной живописи. Группа молодых ху-

дожников-пейзажистов, большинство из которых являлись граверами, организовали группу, которая стала известна как Барбизонская школа. Критики замечали, что гравюры Теодора Руссо, Жана-Батиста Коро и Шарля Франсуа Добиньи были очень близки по духу голландским пейзажам XVII века.

Она заметила, что их находка, возможно, не столько ценная с точки зрения денег, однако эти картины являются бесценными сокровищами для истинных коллекционеров.

– Прекрасное начало, – сказала она с широкой улыбкой, – выставить эти произведения в твоём магазине. С такими сокровищами ты сделаешь себе имя!

Дани была несказанно счастлива. Она встала на колени подле разложенных картин.

– Поразительно, что они так хорошо сохранились. Интересно, как долго они там пролежали?

– Разве ты не говорила, что граф был убит всего два года назад? – спросила Китти.

– Да. На дуэли. Спор из-за карточного долга. Я никогда точно не знала, что произошло. Тетя Элейн старалась не говорить на эту тему. Но что общего между этим случаем и картинами?

Китти предположила, что, судя по хорошему состоянию картин, они не могли быть спрятаны дольше шести-семи лет.

– Именно граф спрятал их. В противном случае Элейн оценила бы их и продала вместе с остальными вещами, с ко-

торыми была вынуждена расстаться.

Одна из картин была меньше, чем остальные, и Дани подняла ее и поднесла к глазам.

– Эта, кажется, совсем другая.

Китти наклонилась, чтобы получше рассмотреть, и задумчиво покачала головой:

– Эта работа не принадлежит кисти ни одного из тех художников, творчеством которых я занималась. Она и выполнена весьма плохо, однако оригинал прекрасен – какой-то дворец.

Дани дотронулась до деревянной рамки картины – грубое, неполированное дерево, но, как ни странно, именно его простоту она находила элегантной.

– Ну что ж, окружающая эту находку тайна создаст замечательную почву для разговоров в художественных кругах Парижа.

Дани собрала картины, направилась к выходу, затем остановилась:

– Пожалуй, мы отыскали здесь все, что можно найти.

Китти положила ей руки на плечи:

– Полагаю, ты нашла гораздо больше, дорогая, чем мечтала, когда собиралась приехать сюда... а также кое-что оставила позади, – добавила она многозначительно.

Это было правдой. Наконец-то прошлое отпустило Дани.

Глава 6

Карсон-Сити, Невада

Джон Тревис Колтрейн, которого члены семьи и близкие друзья звали просто Колтом, сидел на вершине заросшего травой холма, возвышавшегося над ранчо Колтрейнов.

В воздухе витал одурманивающий запах свежего сена. На западном краю необъятного горизонта паслось стадо. У ног Колта раскинулся пышный ковер из белого и розового клевера, легко покачивающегося в такт дувшего из пустыни ветра.

Был поздний летний вечер, и он, прислонившись к жесткой коре громадного тополя, предался размышлениям о жизни.

Дела на ранчо и серебряном руднике шли отлично. Минуло уже больше года с тех пор, как он едва не лишился их.

Дрожь электрическим зарядом пронзила его высокое muscularное тело. Каким же глупцом он оказался, но Гевин Мейсон действительно замечательно продумал свой план. Бриана, согласившаяся на ложь только из-за младшего больного брата, которому срочно требовалась медицинская помощь, неплохо выступила в роли Дани. Как только он ре-

шил, что переспал с собственной сестрой, он в тот же момент захотел избавиться от мук совести, а потому переписал все свое имущество ей, словно в уплату за содеянное. Когда он в конце концов очнулся и понял, что после всего произошедшего конец света не наступил, он вернулся домой и узнал, что Мейсон уже все подготовил для продажи поместья Сету Пэрришу, которому принадлежали угодья, примыкавшие к его ранчо с севера. Сет, узнав о том, что Колт был обманут, тут же согласился вернуть имение.

Итак, Колт отправился в Европу, а именно во Францию, для того, чтобы найти Бриану, правду и... деньги Колтрейнов.

Ему повезло, однако он заплатил за свою победу слишком дорогую цену.

Бранч Поуп, его управляющий и лучший друг, погиб от рук одного из членов шайки Мейсона.

В конце концов, неотступно следуя за негодям, Колт обнаружил его след на греческом острове Санторин и, направившись туда, отыскал все свое золото. Там же в горячей схватке были убиты Мейсон и его злодейская шайка.

Колт понял и простил Бриану; даже привез ее с собой в Америку, забрав и ее брата. Какое-то время они жили довольно счастливо, никогда не задумываясь о будущем, а просто наслаждаясь компанией друг друга и проводя долгие, страстные часы в постели. А затем, словно гром среди ясно-го неба, каждый из них неожиданно пришел к выводу, что

хотя все то, что было между ними, замечательно, этого совсем недостаточно для того, чтобы строить дальнейшую семейную жизнь.

Они расстались, и расстались друзьями. Она неохотно взяла деньги, которые он настоятельно предлагал ей, и направилась на восток в поисках новой жизни.

Периодически он получал от нее письма. В Бостоне она устроилась гувернанткой в одну богатую семью, которая позволила ее брату жить вместе с ней. Она вернула Колту часть денег, заявив, что считает их взятыми в долг.

Колт покачал головой и улыбнулся. Бриана – прекрасная женщина, и однажды она осчастливит кого-нибудь, став отличной женой... но не для него.

Иногда он задавался вопросом: суждено ли ему вообще когда-либо жениться и остепениться? Ему, без сомнения, нравились женщины. Он наслаждался их обществом – в постели, и не только. Он никогда не использовал их в своих целях и ни в чем не обвинял, но всегда, когда они расставались, старался сделать так, чтобы они покидали его счастливые и удовлетворенные. Колт был твердо убежден в том, что отношения между мужчиной и женщиной должны строиться на основе взаимного партнерства, а не на подавлении.

Он бросил взгляд в сторону двухэтажного дома, который можно было без преувеличений назвать настоящим особняком. Широкое переднее крыльцо, высокие и величественные колонны. Мраморные ступени. Красивое место. Место, ко-

торым можно гордиться. Но он был холостяком, и зачем ему этот двухэтажный особняк с двенадцатью комнатами?

Серебро и скот. Его отец, Тревис Колтрейн, создал настоящую империю, а когда вместе с его матерью, Китти, обустроился в Париже, переписал все свое имущество, разделив его между ним и его сводной сестрой. Теперь Дани находилась там, вместе с ними, а управлять и следить за ранчо и серебряным рудником должен был он.

Прошел уже год после того, как он вернул имущество семьи, и Колт считал, что все шло нормально.

Новый управляющий, Барт Таунсенд, седой, закаленный жизнью, прекрасно знал, как держать в полном повиновении сотню работников, не позволяя им ни на мгновение расслабиться. Колту вообще ничего не приходилось делать.

И он начинал чувствовать себя немного... бесполезным. И немного одиноким.

Иногда, субботними вечерами, когда наемные работники отправлялись в город, чтобы повеселиться там от души, он и Барт садились на переднее крыльцо, пили холодное пиво и разговаривали.

И неизменно Барт намекал Колту на то, что ему пора бы уже подумать о женитьбе:

– Тебе нужна женщина постоянно, а не только в те моменты, когда в тебе просыпается желание. Пора бы уже задуматься о том, чтобы обзавестись детишками, которые бы росли и заботились о ранчо. Нет ничего хорошего в том, что

ты встречаешься то с одной, то с другой, но ни с кем не заводишь серьезных отношений. В последнее время ты все больше бесцельно слоняешься по ранчо.

Колта забавляло вмешательство Барта в его личную жизнь, и он обычно поддразнивал его:

– Почему бы тебе не воспользоваться своим же собственным советом и не найти хорошую женщину? Женись. Я уже говорил: дам тебе земли, на которой можно построить дом.

Как всегда в таких случаях, Барт начинал сопеть и что-то невнятно бурчать про то, что он уже слишком стар для того, чтобы привыкать к постоянному обществу женщины, а затем быстро переводил разговор на другую тему.

Колт улыбнулся. Сегодня была как раз суббота. Он не планировал отправляться в город вместе с работниками, значит, снова заберется на крыльцо вместе с Бартом и прослушает в который раз ту же самую лекцию.

По правде говоря, он не раз задумывался над тем, каково это – жениться, любить кого-то, иметь подле себя близкого человека. Возможно, совсем неплохо заполнить пустоту сердца и большой особняк детьми.

Кстати, недостатка в претендентках на место его жены отнюдь не наблюдалось.

Взять хоть Мелиссу Вейтли, хорошенькую дочку Дока Вейтли. Она, возможно, и не обделена мужским вниманием, но довольно прозрачно давала ему понять, что в списке кандидатов на ее руку и сердце он занимал верхнюю строчку. Не

проходило недели, чтобы она не прислала ему приглашение отобедать у них в воскресенье.

Или Ариста Бленкеншип, молоденькая учительница. По крайней мере каждые две недели она приглашала его на обед и постоянно присылала всевозможные пироги и кексы.

Он не слишком заносился, хотя и признавался сам себе, что каждая молодая особа в городе порой туманно, а иногда и открыто давала ему знать, что была бы не прочь стать госпожой Джон Тревис Колтрейн.

Колт трезво оценивал свои достоинства. Он был богат. Кроме того, следовал по стопам своего отца и продолжал весьма успешно вести дела семьи Колтрейн. Он знал также, что его считали привлекательным. Высокий, мускулистый, с темными волосами и серо-стальными глазами – бесчисленное количество женщин твердили, что он был бесподобно хорош, так что в конце концов он и сам в это поверил.

Итак, вопрошал он себя, почему он не может найти ту, на которой мог бы жениться?

Однако это был далеко не самый главный вопрос, который беспокоил и преследовал Колта в подобные моменты тихого раздумья.

Самым болезненным и неприятным было то, что он не доверял женщинам. Слишком часто обжигался. Даже Бриана, которая, как он считал когда-то, любила его, на самом деле лишь использовала, ловко обманула. Именно от этого в сердце навсегда остался горький осадок.

Возможно, с горечью размышлял он, ему просто скучно. С тех пор как он вернулся из Европы, в его жизни не происходило ничего интересного. По сути, он лишь наблюдал за тем, чтобы другие успешно справлялись со своими обязанностями. Конечно же, надо было обучать пони, делать хозяйственные записи, принимать решения, участвовать в десятке мельчайших работ по дому. Но все это было не то, о чем он мечтал, не тот путь, следуя которому хотел прожить свою жизнь. Поэтому он без большого энтузиазма встречал каждый новый день, просыпаясь утром. Ему необходимо что-то иное – всем своим существом он чувствовал... желал... Только не мог определить, чего именно.

Вдалеке он заметил одинокого всадника, скачущего по дороге, ведущей в имение. Должно быть, Барт, который отправился в город, чтобы заказать поставки, взять почту и выполнить некоторые другие поручения.

Он поднялся со своего уединенного места и начал спускаться к подножию холма. К тому времени когда он достиг крыльца, Барт уже осаживал лошадь.

Он широко улыбнулся Колту, протягивая маленькую плетеную корзинку:

– Должен был постоянно балансировать: мерин мог поваляться на бок. С пожеланиями всего наилучшего от леди Мелиссы Вейтли.

Колт взял у него корзинку. Он ожидал нечто подобное. Мелисса всякий раз околачивалась возле универмага, когда

Барт или сам Колт совершали субботние покупки.

Барт спешился.

— А в седельном выюке есть свежая выпечка с приветом от леди Джессики Оунс. — Он нахмурился, словно в глубоком раздумье. — Не припоминаю, чтобы раньше от нее были презенты. Вообще-то не могу даже вспомнить, что видел ее прежде. Хорошенькая маленькая блондинка с большими зелеными глазами. Едва только леди Мелисса испарилась, как появилась эта, подошла, представилась, сказала, что ей сообщили о том, что я ваш управляющий, и спросила, не буду ли я так любезен, чтобы отвезти вам немного лакомств и напомнить о том, что вы обещали выпить чашечку чая в ее доме в следующий раз, когда посетите город.

Колт наморщил лоб, усиленно пытаясь припомнить, кто такая эта Джессика Оунс. В последний раз, когда он был в городе, то заезжал к дантисту, помощницей которого работала молоденькая девушка, и она что-то сказала насчет того, что он, возможно, заедет к ней как-нибудь и познакомится поближе, поскольку она недавно переехала и никого не знала в городе. Но была ли она блондинкой? Ни за что в жизни он не мог припомнить.

Барт на мгновение отвлекся от своих подшучиваний и протянул ему пачку писем.

— Одно из Парижа, — указал он.

Именно его Колт без промедления распечатал и быстро пробежал глазами аккуратно написанные рукой его матери

строчки, которая рассказывала в подробностях о том, как они с Дани только что вернулись из поездки в Монако, куда ездили, чтобы забрать кое-какие вещи из имения де Бонне.

Он продолжил читать дальше о том, где говорилось, что Дани планирует открыть свой собственный антикварный магазинчик и продавать произведения искусства. А когда Дани будет путешествовать по Европе в поисках интересных экспонатов, управлять магазинчиком будет его мать.

Она надеялась, что с ним все в порядке, уверяла, что сильно любит его, скучает и надеется в ближайшем будущем приехать домой.

Колт сложил письмо, убрал его в карман жилета из оленьей кожи и задумался. Его отец всегда много путешествовал, теперь Дани тоже собиралась отправиться в путешествие... И вдруг Колт совершенно ясно понял, что ему делать со своей жизнью.

Он вскочил на ноги, расправил плечи, улыбнулся и пошел к дому. Ему так много предстоит сделать!

– Эй, куда ты направился? – тут же воскликнул Барт. – Еще даже не стемнело. Мы же хотели приготовить бифштексы, как всегда, выпить пива. Зачем проводить субботний вечер в одиночестве? Старина Пит не поехал в город. Вместе с ним мы займемся едой и скоро приготовим что-нибудь вкусненькое, а потом он присоединится к нам.

Колт распахнул дверь, затем повернулся, окинул Барта долгим, задумчивым взглядом и объявил:

– В понедельник я уезжаю. Мне еще нужно многое сделать.

– Уезжаешь? – Барт уже суетливо бежал к крыльцу, а на его лице застыло недоумение. – О чем ты говоришь? В это время года нам некуда ехать. Надо заняться подготовкой к зиме и...

– О, Барт, мне есть куда поехать, – сказал Колт с тихой улыбкой. – Европа.

– Европа? – взвился Барт. – Тысяча чертей!

Колт вошел в дом и обронил через плечо с таким бесстрастным видом, словно путешествие за океан было для него обычным делом:

– О, там же моя семья. Я скучаю, хочу лучше узнать мою сводную сестру. Хочу потратить хоть часть тяжелым трудом заработанных денег. Я просто хочу жить.

Он торопливо зашагал по лестнице, Барт все еще что-то кричал ему вслед, но он продолжал быстро подниматься твердой поступью уверенного человека.

Он надеялся, что сама судьба назначила ему долгожданное свидание.

Глава 7

Сирил Арпел придирчиво рассматривал свое отражение в огромном вертикальном зеркале возле главного входа в особняке Колтрейнов. И пришел к выводу, что представившаяся его взгляду картина весьма нравится ему – стройный, хорошо сложенный молодой человек высокого роста. Темные непокорные волосы слегка выются, придавая облику и мальчишескую непосредственность, и мужественность.

Ему нравилось его лицо. Чисто выбритое, с гладкой кожей. Зеленые глаза. Красивый римский нос. Легкий намек на ямочку на подбородке.

Серый, в тонкую полоску костюм прекрасно сидел на нем и придавал ему вид удачливого человека, каковым он без ложной скромности себя считал, став после долгих лет упорной борьбы одним из наиболее уважаемых продавцов антиквариата в Европе.

Он дотронулся до темно-бордового галстука. Приятный на ощупь, он был той шаловливой черточкой в его костюме, благодаря которой Сирил не выглядел слишком уж строгим и напыщенно солидным. В конце концов он был одним из самых желанных холостяков в Европе и собирался наслаждаться этим положением еще долгое время. Похотливая улыбка тронула его губы, когда он вспомнил об упоительных моментах, которые провел в самых лучших борделях континента.

Жена только привяжет его, а он наслаждался разнообразием окружающих его женщин.

Конечно же, никто и не подозревал о той, другой, жизни Сирила. На поверхности, в обществе, он пользовался репутацией человека утонченного, изящного и, несомненно, воспитанного в лучших традициях. Он никому не позволит проведать о своих диких ночных оргиях. Это была его тайна, и он собирался тщательно охранять ее и впредь.

Пальцем, обтянутым безупречно белой перчаткой, он дотронулся до звонка, глубоко вздохнул и стал ждать. Как и все остальные члены высшего парижского общества, он был наслышан о мадемуазель Даниэлле Колтрейн, дочери уважаемого и состоятельного американского посла Тревиса Колтрейна, и о ее планах открыть антикварный магазин на Монмартре на правом берегу Сены. Ему так же, как и всем остальным, кто прослышал о таинственной находке Дани в унаследованном ею имении в Монако, не терпелось увидеть картины, о которых шептал в благоговейном трепете весь Париж. Однако он не собирался дожидаться официального открытия магазина, поэтому и обратился к мадам Китти Колтрейн с личным посланием, в котором умолял предоставить ему возможность получить частный просмотр сокровищ. Сирил был неплохо знаком с ней благодаря ее неподдельному интересу к миру искусства, и живописи в особенности, а потому чувствовал, что она уважительно отнесется к его просьбе, и был немало обрадован, когда она действи-

тельно пригласила его посетить свой знаменитый особняк.

Дверь открылась, и Сирил протянул свою выгравированную визитную карточку представителю дворцовому. Ему предложили пройти в сверкающий вестибюль, где оставили одного всего лишь на мгновение, прежде чем провели в украшенную цветами гостиную, где и приняла его сама мадам Колтрейн.

Сирил прижался губами к протянутой руке, впечатленный красотой хозяйки ничуть не меньше, чем роскошным убранством комнаты.

– Я слышал, мадам, что у вас чудесный дом, но не был готов к столь абсолютному великолепию.

Он поднял голову, глядя на потолок, украшенный фресками, изображавшими всевозможные аллегорические композиции. Интерьер комнаты был выполнен в духе высокого французского барокко. Пол покрывал богатый паркет, каминную полку украшали пять великолепных ваз, сделанных из серебра и оникса.

Однако внимание Сирила мгновенно приковала к себе висевшая на стене «под мрамор» картина Эдуарда Моне, которая особенно хорошо смотрелась в раме, украшенной резным цветочным орнаментом. Он подошел к ней поближе и после благоговейного молчания произнес почти шепотом:

– «Олимпия». Он завершил работу над ней в 1863 году. Как вам удалось раздобыть ее?

Китти улыбнулась. Ей всегда было приятно разделить

свою страсть к искусству с кем-то еще.

– На одной частной распродаже. Мы путешествовали, когда муж случайно услышал о ней. И для того чтобы приобрести ее, мы специально отправились в Страсбург.

Служанка в накрахмаленном желтом фартуке из тонкого хлопка появилась с серебряным подносом, на котором стояли бокалы с искрящимся бургундским. Сирил взял бокал и принял приглашение Китти: сел рядом с ней на изящном диване перед высоким окном, которое выходило на ее любимый розовый сад.

– Вы просили предоставить вам частный показ.

Сирил радостно кивнул:

– Я бы хотел поблагодарить вас за то, что вы позволили мне осуществить мою мечту. Сокровища, которые вы с вашей приемной дочерью отыскиали в Монако, будоражат весь Париж.

– Вообще-то их нашла моя приемная дочь. Да, мы прекрасно знаем о вызванном интересе и с большим нетерпением ждем открытия магазина.

– И я могу отлично понять почему. Скажите мне, – нетерпеливо воскликнул он, – позволит ли она купить одну из найденных в Монако картин до того, как будет открыта галерея?

– Сомневаюсь. Полагаю, что в течение какого-то времени она будет просто выставлять их, чтобы привлечь покупателей к магазину. Вряд ли она согласится выставить их на продажу раньше следующего года.

Сирил криво усмехнулся:

– Не сердитесь на мою настойчивость.

Позвольте мне позвать Дани, – предложила Китти. – Она устроила в библиотеке небольшой выставочный зал, и я уверена, она будет рада встретить вас и сама покажет картины. Я должна удалиться на ужин. Простите, если я отлучусь? Сирил вежливо поклонился:

– Конечно, я убежден, что компания вашей приемной дочери доставит мне невыразимое удовольствие. Шарм, вне всякого сомнения, черта всех членов этой семьи, – добавил он.

Китти сдержанно поблагодарила его за комплимент и, уже выходя из дверей, неожиданно обернулась:

– Скоро вы получите приглашение. Мы с Тревисом решили предоставить всем нашим друзьям частный показ, который состоится до официального открытия галереи, и в ознаменование этого события устраиваем прием и бал во дворце Тюильри. Надеемся, вы посетите нас.

В этот же самый момент Сирил решил, что ничто на свете не сможет помешать ему. Светский прием в поразительных садах, расположенных позади пышного Луврского дворца, – такое нельзя пропустить, особенно если тебе посчастливилось получить официальное приглашение. Он также прекрасно знал, что все устраиваемые Колтрейнками приемы всегда отличались щедростью и неизменно оказывались самым ярким событием светского сезона.

Оставшись в одиночестве, Сирил стал медленно прохаживаться по комнате, внимательно рассматривая великолепные предметы обстановки. Он сам был состоятельным человеком, и подобное богатство не удивляло его, однако ему хотелось сравнить эту роскошь со своей собственной. Он чувствовал, что хотя вещи материальные и не обладали истинной ценностью в жизни, они нравились ему, и он намеревался обладать лучшими из них.

Он остановился перед скульптурой на подставке из белого мрамора из Каррара, рассеянно задумавшись, где могли приобрести такую красоту.

Он дотронулся кончиками пальцев до изысканных изгибов статуи Аллегии с кувшином воды, который она почти чувственно прижимала к своей груди.

С горечью он вынужден был признать: в окружающем его великолепии было то, чего не было у него... что так страстно он мечтал заполучить. Нет, обязан был иметь, если хотел добиться абсолютного успеха в жизни и карьере!

Но для того чтобы стать лучшим знатоком в Европе, а возможно, и во всем мире, ему необходимо сделать открытие, найти что-то действительно ценное, редкое, удивительное.

Сирил много путешествовал, жил во многих странах – Австрии, Германии, России, даже в Италии и Греции. Когда появится что-то необыкновенное, он непременно узнает об этом.

С завистью подумал он о мадемуазель Даниэлле Колтрейн

и ее находке, в сущности, просто удаче, не имевшей ничего общего со знанием, пониманием, мастерством. Если бы он, Сирил Арпел, отыскал спрятанный тайник с картинами, это бы, вне всякого сомнения, стало началом его победного шествия к триумфальному будущему.

– Месье Арпел, добрый день.

Он быстро повернулся на звук этого нежного, мягкого голоса и замер, обнаружив, что смотрит на невообразимо красивую молодую женщину.

Длинные золотисто-каштановые волосы, ясные светло-карие глаза, обрамленные густыми, загибающимися ресницами. Кожа нежная, словно алебастр, и белая, как у скульптуры, к которой он только что прикасался. Чуть вздернутый нос, губы – дерзкие, розовые и влажные.

На ней было платье из розового хлопка, отделанное изысканными белыми кружевами. Волосы мягко ниспадали на прекрасные плечи. Фигура ее, скрытая под платьем, тоже была прекрасна, и Сирил едва сдержал стон.

Дани озадаченно склонила голову. Мужчина ничего не говорил, а просто уставился на нее, словно в трансе.

– Месье? Вы месье Арпел? – с сомнением произнесла она.

– О да! – Сирил начал постепенно приходить в себя. Господи! Как она красива! Никогда он не терял дара речи при виде женщины, а видел он их тысячи, переспал, возможно, с сотнями, но прежде его жадные, страстные глаза не наслаждались подобной красотой.

Он быстро пересек комнату и приложил к губам кончики ее пальцев.

– Простите меня. Я просто испугался. Посмел дотронуться до Аллегии и почувствовал себя как шаловливый мальчишка, когда вы поймали меня. – Он робко улыбнулся, приговариваясь взволнованным. – Вы ведь не станете доносить на меня, не так ли?

Дани засмеялась. Она сразу заметила, что Сирил Арпел выгодно отличался от тех чопорных типов, с которыми она дотоле встречалась в художественных кругах Парижа. В его глазах горел озорной блеск, а кроме того, она находила его весьма привлекательным.

– Нет. Я не стану доносить на вас. Признаюсь, я иногда поступаю так же.

– Очень мило с вашей стороны, что вы согласились предоставить мне частный показ вашей находки из Монако. Вы мне оказали большую честь.

Дани пожала плечами. Без сомнения, ей нравился ажиотаж, рожденный ее находкой, но все же она не могла разделить бурного энтузиазма остальных. Только себе она признавалась в том, что не так сильно интересовалась искусством. Танцы, а особенно балет, были ее настоящей любовью. Галерея, антикварный магазин лишь занимали свободные часы, служили забавой, не более.

Она пригласила его следовать за собой.

– Я счастлива оказать вам любезность. Китти говорила,

что вы один из самых известных торговцев антиквариатом во всей Европе. Будет весьма интересно услышать ваше мнение и оценку того, что мы нашли в Монако.

«Один из самых известных торговцев». Ее слова задели его. Он должен сделать собственное открытие – и стать самым известным, решил Сирил.

Они зашли в библиотеку, обставленную во вкусе меcье Колтрейна, как сразу понял Сирил, который встречался с ним на некоторых приемах. Конечно же, Колтрейн был светским человеком и вел себя соответственно своему важному, уважаемому положению, однако Сирил подозревал, что он бы гораздо лучше чувствовал себя на коне или за каким-нибудь сугубо мужским делом.

В дальнем конце комнаты, посреди бесконечных полок из красного дерева, доверху заставленных книгами, на мольбертах стояли картины.

Сирил начал свой осмотр неохотно. Неожиданно картины, какими бы ценными они ни были, потеряли для него смысл жизни, уступив его пленительной и желанной Даниэлле Колтрейн.

Она указала на мольберты:

– Вот они. Пожалуйста, смотрите.

Сирил подошел к мольбертам. Он совершенно точно знал, как необходимо правильно смотреть на картину, чтобы наиболее тщательно оценить ее.

Около десяти минут прошло в полной тишине. Наконец

Сирил объявил, что ему особенно понравился Руссо, и объяснил почему:

– Он сумел показать природу как дикую, не подвластную ни чьей власти стихию, и это снискало ему почтение многих ведущих художников-романтиков и писателей Франции. Он не устраивал регулярных показов до 1831 года, – продолжил Сирил, – затем в середине сороковых годов обосновался в деревушке Барбизон, где работал со своими единомышленниками Жаном Франсуа Милле и Шарлем Франсуа Добиньи.

– Они стали известны как Барбизонская школа, – вставила Дани, – именно в этот период Руссо рисовал подобные спокойные пасторали.

Сирил был поражен и не скрывал этого. Дани улыбнулась:

– Нужно благодарить мою приемную мать за то немного, что я знаю об искусстве. Боюсь, пока я не особенно сильна в этом предмете.

– О, вы можете быть сильны в любой области, моя дорогая, стоит вам лишь только пожелать.

Оставив его комплимент без внимания, она предложила ему что-нибудь выпить, надеясь, что он не торопится уходить.

Сирил готов был уже принять предложение, когда вдруг спохватился, что рассматривает только пять картин, а не шесть, которые, как он слышал, были обнаружены в Монако.

– А где еще одна картина? Вы продали ее?

Нет, я не собираюсь в ближайшее время продавать ни од-

ну из них, – ответила Дани. – Просто не думала, что вам будет интересно увидеть ее. Она не представляет никакой ценности.

Он глубоко вдохнул, а затем медленно выдохнул. Господи, неужели эти дилетанты не понимают, что от них уходят как раз ценные картины только потому, что они не удосужились произвести внимательного осмотра, проконсультироваться со специалистами, которые наверняка распознали бы шедевр?

– Пожалуйста, могу я увидеть ее? Позвольте мне быть судьей, – чуть ли не взмолился он.

Дани пожала плечами. Пусть сам посмотрит, что картина не представляет никакой ценности. Она достала ее и протянула Сирилу:

– Смотрите сами, месье.

– О, прошу вас, зовите меня просто Сирил, – пробормотал он, бережно беря маленькое полотно в рамке и подходя поближе к окну, чтобы рассмотреть его в дневном свете.

Неожиданно дрожь возбуждения пронзила его. Руки затряслись.

Неужели та самая пропавшая картина «Александровский дворец»?

В безумном напряжении продолжал он рассматривать картину, на которой был изображен знаменитый Александровский дворец, находившийся в России, к югу от Санкт-Петербурга.

Он боялся надеяться на чудо.

Сирил Арпел знал, что даже если существует минимальная вероятность того, что это именно та картина, розыском которой занимаются самые близкие царю люди, в таком случае он сделал открытие и благодаря этой находке станет самым великим знатоком искусства во всем мире.

Немногие, лихорадочно размышлял он, знали о секрете картины, поскольку связанный с ней скандал тщательно скрывался. И уж никоим образом не могли слухи об этом дойти до Дани или Китти Колтрейн, так что они вряд ли понимали, какое сокровище попало к ним в руки. И все же, невольно заволновался он, Дани изъяла картину из коллекции.

Пытаясь совладать с собой, он чуть хрипло спросил:

– Вам знакомо это место? Она покачала головой:

– Нет. Похоже на какой-то дворец.

Он заглянул ей в глаза. В них не было ни малейшего намека на то, что она что-то скрывала. Она, вероятно, ничего не знала, кроме того, что эта картина совсем не такого качества, как остальные, и может только приуменьшить их красоту.

– Это в России. Около двадцати двух километров от Санкт-Петербурга. Я хорошо знаю это место, потому что жил и учился в этой стране.

– Расскажите мне о нем, – попросила Дани, заинтересовавшись.

– В 1792 году Екатерина Великая выписала итальянца по

имени Кваренги для того, чтобы он построил дворец для ее внука, который позднее стал Александром I. Он был известен как дворец Александра, который позже называли Александровским дворцом.

Он умолк, насмешливо взглянул на картину и критически сказал:

– Ей далеко до совершенства. Вообще-то это просто оскорбление элегантности Александровского дворца.

Дани кивнула, затем пробормотала:

– А мне она нравится. В ней есть что-то неуловимо красивое, уникальность, которую я не могу описать, и...

– Я хочу купить ее! – перебил он, глаза его были широко открыты и возбужденно горели.

Дани мгновенно протянула руку, чтобы забрать картину, и решительно покачала головой:

– Нет. Она не продается. Ни одна из этих картин не продается. Я намереваюсь использовать их в целях паблисити, для выставки, чтобы каждый мог насладиться ими, и только затем продам их, но только не эту.

Сирил почувствовал, как его охватывает паника, и, запинаясь, пробормотал:

– Но... но, моя дорогая. Вы же и сами прекрасно понимаете, что эта картина самого низкого качества. Она только бросит тень на остальные.

– В таком случае я не буду выставлять ее вместе со всей коллекцией, – спокойно сказала она.

Пальцы Сирила судорожно сжались вокруг рамы, и он прижал ее к груди.

— Картина много значит для меня, — солгал он. — Воспоминания, знаете ли. Я хорошо заплачу вам.

Дани смущенно вздохнула:

— Она не продается.

Сирилу было необходимо получить эту картину. Он один из немногих знал о ее секрете, случайно подслушав разговор между знаменитым русским ювелиром Петером Карлом Фаберже и одним из его сыновей на открытии их магазина в Одессе в прошлом году.

Выбравшись из изумленной толпы посетителей, Сирил зашел за портьеры из золотистого бархата, отделявшие магазин от рабочих помещений. Он хотел посмотреть не то, что предлагалось обычной публике, а те произведения, которые будут выставлены на частную продажу, предложены членам королевской семьи.

Он отыскал маленькую комнатку, в которой заметил восхитительную китайскую подвечную чашу работы Фаберже, вырезанную из цельного куска жадеита и оправленную серебром. По краям чаши великий мастер пустил узорчатую гравировку из линий и точек, а ручки сделал в виде головы ягуара, в раскрытой пасти которого сверкало по крупному аметисту.

Она была великолепна, и Сирил знал одну графиню в Лионе, которая была готова выложить за нее целое состояние.

Он решил отыскать Карла Фаберже и сделать ему предложение в отношении этого экземпляра, однако неожиданно услышал голоса, вернулся на то место, где стоял, притаился... и услышал разговор, который открыл ему секрет Александровского дворца и картины, которую теперь он держал в дрожащих руках!

Дани уже начинала терять терпение. Этот человек как-то странно себя вел.

– Если вы отдадите мне картину, я уберу ее и распоряжусь насчет напитков, – сказала она почти холодно.

Сирил с тяжелым сердцем передал ей картину, увы, выбора у него не было. Дани была решительно настроена против ее продажи, и поэтому, если бы он продолжал убеждать ее и уговаривать, это только вызвало бы у нее лишние подозрения: почему ему так страстно захотелось обладать этой картиной?

Глубоко вздохнув, с пылающим от возбуждения лицом, он поклялся себе, что в конце концов раздобудет ее... не остановится ни перед чем, чтобы заполучить ее.

Сирил с трудом заставил себя улыбнуться, но губы от волнения пересохли и улыбка получилась вымученная.

– Ну что ж, если вы измените свое решение, прошу, позвольте мне быть первым на покупку. Воспоминания, знаете ли, – повторил он, притворно равнодушно пожав плечами.

Когда они вернулись в гостиную и сидели, наслаждаясь шампанским, Сирил уделил все внимание другому вопросу,

безмерно волновавшему его в этот момент, – его безрассудному влечению к этому обворожительному созданию.

– Ваша приемная мать сказала мне, что в ознаменование открытия вашего магазина и галереи будет устроен пышный прием. Я счел бы за огромную честь, если бы вы позволили мне сопровождать вас.

Дани чуть не застонала от одной только мысли о предстоящем событии. О, какое жаркое обсуждение состоялось у нее с отцом и Китти на эту тему! Она вполне соглашалась на простой прием, но бал? С оркестром и всеми подобающими атрибутами? Она обвинила их обоих в том, что они хотят выставить ее напоказ, словно дебютантку.

– Перестаньте планировать за меня мою жизнь! – воспротивилась она. – Перестаньте пытаться найти для меня мужа! Я не хочу мужа! Я вообще не хочу выходить замуж! Не хочу положения в обществе! Я хочу, чтобы меня оставили в покое и позволили принимать собственные решения!

Сцена получилась некрасивая: Тревис не на шутку разозлился, Китти обиделась. Дани не стала извиняться за свою вспышку, полагая, что у нее есть полное право на то, чтобы отстаивать свои чувства. В конце концов она согласилась, хотя и неохотно, на проведение бала, но у нее не было абсолютно никакого желания, чтобы ее кто-либо сопровождал, и она не собиралась выступать в какой-либо роли, кроме как новой владелицы галереи и антикварного магазина.

Лучше дилетант, чем дебютант, решила она для себя.

Она вежливо отклонила предложение Сирила:

– Очень любезно с вашей стороны, но я буду занята и не смогу составить вам компанию.

– Благодарю вас за гостеприимство, за предоставленный частный показ. – Он неохотно поднялся. – Если вы все же измените свое решение и позволите мне сопровождать вас, прошу, непременно дайте мне знать.

Она проводила его до двери. Он сжал ее руку, поднял ее к своим губам.

– Вы прекрасны, – благоговейно произнес он. – Я буду справедлив по отношению ко всем вашим поклонникам и сообщу им, что твердо решил пополнить их ряды.

Дани искренне рассмеялась:

– Какая честь, месье. – Она слегка присела в реверансе, сказала, что будет с нетерпением ждать встречи с ним на балу, и простилась.

Сирил взял у дворецкого шляпу, вышел из особняка и медленно спустился по ступенькам.

Возле резных кованых ворот он помедлил, обернулся и еще раз бросил взгляд на особняк. Внутри него находились сокровища: Дани Колтрейн и картина «Александровский дворец».

Он решил заполучить и то, и другое.

Глава 8

Скоро должна была состояться грандиозная церемония открытия антикварного магазина и художественной галереи мадемуазель Дани Колтрейн. Семья старалась не упустить ничего, не жалели никаких сил и средств.

Благодаря политическому и социальному положению отца у Дани не возникло никаких проблем с получением разрешения на проведение праздника в знаменитых садах Тюильри.

Они занимали особое место в сердце Дани, она любила их строгую симметрию, но они ни в коем случае не казались ей скучными и бездушными. Обширное и открытое пространство вызывало неизменное очарование Дани.

Однако она не любила думать о печальном прошлом этого места. В 1793 году возле самых ворот была возведена устрашающая гильотина, и, согласно приведенным в документах цифрам, за последующие три года были обезглавлены 1343 человека.

Дани считала, что все прекрасные цветы, наполнявшие сады своим ароматом, цветут в память о безвинно погибших душах. На тропинке, которая когда-то вела к гильотине, теперь цвели ноготки и декоративный лук. Плющ обвинял огромные солнечные часы, а сероватый тысячелистник располагался перед пурпурным гибискусом и оранжево-тиг-

ровыми лилиями.

Мало что изменилось здесь с тех пор, как два столетия назад, в 1664 году, Андре ле Нотр разбил сады. Сам он родился здесь, в ветхом домике садовника, здесь же и умер много лет спустя.

С двух сторон от центральной аллеи росли величественные кипарисы, а с западного крыльца дворца к садам вела маленькая дорожка, выходящая вдоль посаженных деревьями холма. На вершине этого холма спустя 170 лет, в 1834 году, была воздвигнута Триумфальная арка в честь победоносной кампании Наполеона в 1805 году.

В восточной части садов Наполеон III построил оранжерею и теннисный корт.

По обе стороны главных ворот были установлены два огромных пегаса, отлитых в XVII веке. Сквозь ворота открывался великолепный вид на восьмиугольную площадь Согласия, обнесенную рвом с водой, проект которой был разработан в 1753 году Жаком Анжи Габриелем.

Если бы погода в день торжества выдалась холодной, то все увеселительные мероприятия могли быть тотчас перемещены во дворец. Однако погода в тот день выдалась чудесная, и, хотя в воздухе уже витал запах осени, на небе не было ни единого облачка. А в полдень яркое солнце окутало весь Париж, а вместе с ним и прекрасные сады своим ласковым теплом.

Шелковые тенты всех цветов радуги раскинулись повсюду

среди бушующего великолепия яркой зелени. Каждый цвет выполнял свою роль: символизировал различные лакомства, разложенные на стоявших под тентами столах, которые были покрыты атласными скатертями того же цвета, что и возвышавшийся над ними тент.

Зеленый тент был приглашением полакомиться фруктами – дынные шарики в виноградном ликере; бананы в сахаре, поджаренные и глазурованные кокосовым сиропом; яблоки в густом мятном сиропе; виноград в сахарной пудре; инжир, залитый медом; вишня и ананас с коньяком.

Желтый шелк символизировал разнообразие блюд, приготовленных из яиц и сыра. Там были горшочки с кипящим фондю на любой, самый привередливый вкус, ломти ароматного хлеба, которые только и ждали, когда их опустят в пахучий сыр, яичный или грибной соус или в изысканный соус из улиток в сметане. Специально для сладкоежек приготовили маленькие бисквиты, которые можно было тут же погрузить в густой, темный шоколад.

За палатками со всевозможными горячительными напитками и ликерами следовали голубые тенты, под которыми предлагались изысканные первые блюда: суп из лангустов, заливная ветчина с петрушкой, фрикасе из улиток и запеченные яйца с ветчиной и гренками.

Ярко-красные тенты возвещали о целом ряде горячих блюд: жареные пальчики из камбалы, бифштекс с говяжьим костным мозгом, рагу из утки с виноградом, говядина в крас-

ном вине с лапшой и лягушачьи лапки в сметанном соусе.

Изюминкой пиршества стала идея Дани пригласить лучших шеф-поваров из ряда районов Франции для того, чтобы они представили местные кулинарные деликатесы. От Ильде-Франс – района, окружающего Париж, – приготовили говяжье филе – шато-бриан. Лосось был предоставлен от Луара вместе с их прославленными мясными шариками из свиного и гусяного мяса. Бретань прислала свое ни с чем не сравнимое рыбное ассорти из омаров и множества видов рыб, а также вкуснейшие блины.

Из Нормандии доставили омлеты, великолепные сыры и уток. Шампань привезла тушеную форель, почки в шампанском и припущенную щуку.

Немецкое влияние сильно ощущалось в блюдах, приготовленных поварами из Эльзаса и Лотарингии, среди них, например, ветчина, свинина, сосиски с гарниром из различных овощей и кислой капусты.

Шеф-повар из Бургундии использовал свои великолепные вина для того, чтобы приготовить рыбные шарики и знаменитые лионские сосиски.

Из Перигё, к юго-востоку от Коньяка, привезли трюфели – грибы, растущие под землей, которые находили специально тренированные свиньи и собаки. Этот деликатес, особенно ценимый гурманами, был предложен в изобилии, ибо спрос на него ожидался огромным.

Была также специальная палатка, которая предлагала раз-

личные сорта сыра: рокфор, камамбер, бри, швейцарский – с хлебом и сухим печеньем в качестве дополнения.

Однако ни у кого не возникало сомнений в том, что все же излюбленной палаткой станет кафе под тентом из розового шелка со всевозможными десертами: шоколадный торт с коньяком, яблочные тартинки со взбитыми сливками, рисовый пудинг с заварным кремом и сливочная карамель.

И конечно же, было представлено великое разнообразие сортов винограда и продукции винных заводов из Коньяка, Бордо, Бургундии, Рейна, Мозеля. Кроме того, на десерт гостей ожидали альпийский ликер, виноградный коньяк и белый сливовый коньяк. И естественно, сверкающим потоком лилась минеральная вода.

Несмотря на то что Дани все еще немного сердилась, подзревая, что отец и приемная мать используют бал, чтобы ввести ее в свет, она была охвачена радостным возбуждением. Написанные от руки золотыми чернилами на голубой пергаментной бумаге приглашения отправили более чем полутора тысячам человек. Все до единого приглашения были с радостью приняты. Действительно, пропустить такое пиршество было бы непозволительной глупостью.

В день торжества Дани поднялась рано утром, отказалась от завтрака, выпив только чашку крепкого чая. Все внутри нее трепетало: она знала, что намеченное на сегодняшний вечер событие она будет помнить всю жизнь. Пусть члены семьи считали праздник просто представлением ее в свете

в качестве желанной и богатой молодой дебютантки, но для нее он значил больше. Открывая антикварный магазин, она громко заявляла о начале собственной независимой жизни. А помпезное и расточительное пиршество необходимо только для обеспечения процветания намеченного ею дела.

Самая знаменитая в Париже мастерица по прическам, Мими Летру, прибыла в особняк Колтрейнов ровно в девять утра для того, чтобы сначала заняться Китти, а потом приступить к созданию шедевра на голове юной и обольстительной Дани.

Пока Мими усердно завивала ее локоны цвета золотой осени раскаленными щипцами, Дани нетерпеливо ерзала на жестком стуле. Затем локоны были скручены, высоко подняты и ряд за рядом закреплены специально сделанными золотыми зажимами в виде сердечек, украшенных маленькими изумрудами и бриллиантовой крошкой по краям. Это был подарок Дани от отца, который он привез из Южной Африки. Тревис специально заказал это украшение для того, чтобы она могла блистать на самых ответственных приемах и балах.

И теперь Дани точно знала, что приближался один из таких особых вечеров ее жизни.

Когда жена спустилась по главной лестнице, Тревис Колтрейн почувствовал, как сильнее забилося сердце. Она все еще была одной из самых красивых женщин, которых он ко-

гда-либо знал. Вечернее платье из пурпурного атласа подчеркивало блеск фиалковых глаз, сверкающих от возбуждения под длинными густыми ресницами. Пышная, упругая грудь скрывалась под вышитым бисером лифом. Яркие ленточки из зеленого атласа, украшенные сверкающими белыми жемчужинами на фоне бледно-лилового кружева, шли по низу платья. На ее гибкой шее переливалось всеми цветами радуги золотое ожерелье – его подарок с изумрудами, рубинами и прозрачными, как капли росы, бриллиантами.

Когда она спустилась в мраморный вестибюль, он нежно прикоснулся губами к ее лбу и хрипло пробормотал:

– Ты прелестна, ты сводишь меня с ума.

Китти засмеялась, мельком взглянув на его белые шелковые панталоны:

– Тревис, ты всегда был ненасытен.

Затем, словно по команде, они перестали шептаться и поддразнивать друг друга и обернулись к лестнице. На самом ее верху стояла Дани, прекрасная в естественности своей красоты. Вечернее простое платье из золотой парчи подчеркивало каждую линию ее тела, ниспадая мягко и плавно, словно жидкий огонь, на пол. В каштановых локонах сияли изумруды и бриллианты – кроме них, других украшений на ней не было. Белые перчатки закрывали руки до самых локтей. Туфельки были в тон золотого платья.

Китти почувствовала, как глаза ее наполнились слезами.

– О, Дани, моя дорогая, ты прекрасна... – прошептала она.

Тревис подошел к дочери, когда она спустилась, сжал ее руку и с трудом проглотил комок в горле от переполнявших его чувств.

– Господи, дорогая, если бы твоя мать увидела...

Когда Колтрейны прибыли в сады Тюильри, их взорам предстала великолепная картина: бесконечное море людей среди множества покачивающихся на ветру тентов и благоухающих цветов.

Дани затаила дыхание, не в силах вымолвить ни слова от восхищения, и наконец пролепетала дрожащим голосом:

– Я никогда даже не мечтала о таком!

Тревис подбадривающе улыбнулся:

– Это все для тебя, дорогая. Наслаждайся каждым мгновением.

За первый час праздника Дани чуть не задушили доброжелатели, которые бесконечной вереницей подходили к ней и поздравляли с открытием магазина и столь сказочным вечером. Она улыбалась, благодарила, чувствуя головокружение от цветочного аромата, изысканного шампанского и божественно звучащей музыки трех оркестров, которая заполняла воздух.

Появившийся неожиданно Сирил Арпел встал подле Дани и уже не покидал ее. Одетый подобающе случаю – в красный бархат и черный атлас, он никогда еще не выглядел столь энергичным и воодушевленным. Ведь все смотрели на него,

стоявшего рядом с восхитительной Дани Колтрейн, как на ее кавалера!

Сирил надеялся, что так продлится весь вечер. Как только Дани заканчивала разговор с кем-либо, он тут же начинал свой, если, конечно, считал персону достаточно значительной. Дани не возражала против этого или просто делала вид, что не замечала, так что и вправду казалось, что они были вместе.

Спустя час она повернулась к нему и в отчаянии пробормотала:

– У меня пересохло в горле, а официантов поблизости, как назло, нет. Пожалуйста, принесите мне шампанского.

– Конечно же, – с охотой откликнулся он. – И как только вы сможете удалиться от этой толпы поклонников, возможно, нам удастся ускользнуть ото всех, и мы спокойно поужинаем? Аромат всех этих деликатесов пробуждает у меня зверский аппетит.

Дани рассмеялась и призналась:

– У меня тоже. Осталось недолго – мы исчезнем отсюда.

Она решила, что Сирил очень мил: красивый, очаровательный, остроумный, – и находила его компанию чрезвычайно приятной.

Дани задумчиво смотрела ему вслед, на мгновение забыв обо всем, как вдруг почувствовала, как ее руку кто-то нежно сжал и прикоснулся теплыми губами к кончикам пальцев. Она повернула голову... и увидела шапку темных волос.

Мужчина выпрямился, и Дани словно окунулась в прекрасные и чувственные глаза, обрамленные невероятно густыми черными ресницами. Перед ней стоял самый красивый мужчина, которого она когда-либо встречала за всю свою жизнь. Его лицо было смуглым, словно он провел много часов, лежа под лучами солнца на пляжах южной Франции.

Он был высок, широк в плечах, одет в простой, но элегантный костюм из темно-бордового бархата. Его богатая, с оборками рубашка из тончайшего голубого шелка, подходящего к цвету глаз, была расстегнута на груди.

Он продолжал держать ее руку и смотрел на нее не отрываясь. Легкая игривая улыбка коснулась его губ, когда он наконец лениво произнес:

– Мисс Колтрейн, наяву вы еще прекраснее, чем описывает вас молва.

Он обратился к ней на безупречном английском. Однако Дани заметила, что, хотя в голосе его не было ни следа французского или американского акцента, в нем чувствовалось что-то британское... но нет, это был другой оттенок, загадочный и приятный на слух.

Пока он держал кончики ее пальцев и ласкал своим взглядом, Дани почувствовала странное волнение. Господи, что с ней произошло? Она и раньше наслаждалась обществом мужчин, ее обнимали, целовали и ласкали. Она уже не была невинной маленькой послушницей, которая покинула мона-

стырь год назад. Дани прекрасно знала, что это такое – ощущать внутри теплые приливы желания.

Но никогда не происходило с ней ничего подобного...

Она выдернула свою руку из его ладони столь резко, что он улыбнулся, словно знал, что она чувствовала.

Дани решила контролировать свои эмоции, по крайней мере на поверхности, и осталась вполне довольна непринужденным тоном своего голоса, когда ответила:

– Месье, не думаю, чтобы мы встречались.

Он на мгновение задумчиво сжал губы и потом тихо сказал:

– Меня знают как Драгомира.

Драгомир. Где прежде она слышала это имя? Оно показалось ей странно знакомым, и все же она не могла вспомнить, где встречалась с этим человеком, только наверняка знала, что если бы она видела столь ошеломляюще красивого мужчину прежде, то, несомненно, запомнила бы его... как и любая другая женщина.

Не дожидаясь приглашения, высокий незнакомец снова смело взял Дани за руку и прошептал:

– Пойдемте. Я хочу узнать вас получше, а в такой толпе это совершенно невозможно.

Дани испуганно оглянулась по сторонам, мимолетно подумав о том, уместно ли позволять совершенно незнакомому человеку похитить ее с ее же собственного приема.

– Сэр, не думаю, что это удобно, – попробовала протесто-

вать Дани, однако голос ее прозвучал неубедительно даже для ее собственных ушей.

Он одарил ее насмешливой, беззаботной улыбкой:

– Простите, если оскорбил вас, мисс Колтрейн, но я принял вас за женщину, которая открыто посылает к черту всякие бредни о том, что пристойно, а что – нет.

Дани возмущенно открыла рот, отступая от него на шаг.

– Я... я прошу прощения! – заикаясь начала она и тут же возненавидела себя за то, что проявляет такое занудство.

Почувствовав ее сопротивление, Драгомир остановился, повернулся и холодно посмотрел на нее:

– Я просто хотел узнать вас получше, мисс Колтрейн. Думал, что мы потанцуем в маленьком павильоне возле реки. Если же вы сочли мое поведение оскорбительным, я приношу вам свои извинения.

Неожиданно Дани поняла, что и она хочет узнать его получше. В нем было что-то дикое и отчаянное, неизведанное... и вызывающее. С чуть высокомерной улыбкой она обронила:

– Отлично, сэр. Надеюсь, мне нечего бояться, когда вокруг так много людей.

Светло-карие глаза с вызовом встретили взгляд сапфировых.

Они остановились возле густо увитой голубой глицинией решетки, сделанной в виде арки. Драгомир взял два бокала искрящегося шампанского у проходящего мимо официанта

и предложил один Дани. Они сделали по маленькому глотку, глядя друг на друга поверх позолоченных краев бокалов.

Наконец Драгомир слегка кивнул и прошептал:

– Если бы я хотел от вас большего, чем танец, мисс Колтрейн, мы бы сейчас были на пути в мои апартаменты.

Удивительно, но Дани лишь позабавило столь смелое замечание. Будь это любой другой, то она скорее всего рассердилась бы или возмутилась, однако Дани была твердо уверена, что, кем бы ни был этот таинственный Драгомир, он не похож ни на одного мужчину, с которым ей когда-либо приходилось встречаться. Он казался Дани загадочным, привлекательным и... чрезвычайно желанным. Кроме того, в нем чувствовались воля, умение добиться своего, он не лебезил и не раболепствовал, как другие. Он, решила Дани, был настоящим мужчиной.

– Вы кажетесь мне наглым и самонадеянным, сэр. Неужели вы считаете, что стоит вам только возжелать, и вы получите любую женщину?

Он медленно осушил бокал шампанского и осторожно заметил:

– Желание должно быть обоюдным, дорогая, для того, чтобы мужчина и женщина достигли наслаждения... и удовлетворения.

Настала ее очередь насмешливо поднять бровь.

– И вы полагаете, что я хочу вас?

Драгомир кивнул, не раздумывая ни мгновения:

– Да, я ощущаю жажду любви в женщинах и вижу по вашим глазам, как вы хотите быть любимой.

Дани разгневалась. В своей самонадеянности он и впрямь переходит границы дозволенного, и его необходимо поставить на место.

– Возможно, вы чувствуете вашу собственную жажду, сэр, и видите в женщинах то, что хотите видеть, вы, видимо, сами, изголодались по любви.

Его глаза хитро блеснули.

– Нет, вы не правы. Мне безразличны женщины, к которым я не испытываю желания. Как я уже сказал, оно должно быть взаимным.

Он взял ее под руку и улыбнулся:

– У нас достаточно времени, чтобы поговорить о наших чувствах. Будем танцевать?

Дани не удержалась от смеха. Как можно злиться, когда получаешь такое удовольствие? Он был настоящей загадкой, но она совсем не боялась, находя его добродушное подшучивание очень уместным.

Они прошли по аллее до конца садов и остановились у большого восьмиугольного бассейна, в восхищении наблюдая за скользящими по воде лилиями. Затем миновали прелестные статуи оранжереи.

– Ваша приемная мать сказала, что вы планируете открытие великолепной галереи и антикварного магазина, – сказал он, когда они отделились от прогуливающихся и направи-

лись в деревянный павильон, сооруженный для танцев неподалеку от Сены. – Я с нетерпением жду возможности увидеть ее. Есть ли у меня шанс попасть на частный просмотр, прежде чем состоится официальное открытие?

Его просьба показалась Дани вполне нормальной. Ведь и Сирилу она оказала подобную честь, однако Сирил был антикваром, которому принадлежали магазины в нескольких странах мира. Дани просто умирала от любопытства: с чего бы столь очаровательному и красивому незнакомцу просить ее о частном просмотре?

– Официально я открываю магазин в понедельник утром, – ответила она, а затем смело спросила: – А почему вы просите о частном просмотре? И откуда вы знаете Китти? Вы друзья?

– Когда-то я встречался с вашими родителями на нескольких приемах в посольствах, – объяснил он. – Наверное, можно сказать, что мы хорошие знакомые, случайные друзья. Что же до частного просмотра, то мне, как и всем остальным, полагаю, чрезвычайно любопытно и не терпится поскорее взглянуть на ваш новый магазин.

Дани кивнула:

– Хорошо. Я буду счастлива показать вам мою галерею в понедельник утром, скажем, за полчаса до того, как официально распахнутся ее двери.

Драгомир нахмурился. Ему требовалось больше, чем полчаса, чтобы рассмотреть находку из Монако.

– Вы свободны завтра днем? Я пригласил бы вас на обед, а затем мы могли бы поехать в ваш магазин.

Дани на мгновение задумалась. Она не могла не признать, что ей бы весьма хотелось снова встретиться с ним, но днем ей предстояло выполнить много мелких дел, оставленных на последнюю минуту.

– Я не знаю, – засомневалась она. – Я хотела поработать завтра и...

– Я с радостью помогу вам! – перебил он, любезно предлагая ей свои услуги, и, подмигнув, добавил: – В некоторых ситуациях мужчина может оказаться очень полезным.

– Это зависит, сэр, от ситуации, – кокетливо заявила Дани. Драгомир кивнул.

– Сдаюсь, – протянул ей руку. Они дошли до танцевального павильона.

Под веселую музыку Иоганна Штрауса Драгомир закружил ее в волшебном танце. Затем, когда темп стал чуть быстрее, он мгновенно перестроился и легко перешел на вихрь венского вальса.

Танцевавшие на площадке, восхищаясь грациозностью и красотой элегантной пары, расступались, давая им достаточно пространства для их плавных и одновременно исполненных внутренней силы движений.

Дани затаила дыхание от восторга – она никогда не думала, что сможет выполнять столь замысловатые па, однако ее партнер был великолепен. Он, казалось, предчувствовал ма-

лейшие жесты и легко и непринужденно вел ее. Дани казалось, что они танцевали вместе всю жизнь...

Взгляд его сапфировых глаз словно проникал в ее душу.

Дани охватили невероятные эмоции, никогда еще она не испытывала такого желания ни к одному мужчине.

И все же Дани не чувствовала трепета при мысли о том, что находится в руках опытного мужчины. Не важно, что она была девственницей. Она знала наверняка, что он вознесет ее к несказанной радости с той же легкостью, с которой вел через запутанные комбинации венского вальса.

Но позволит ли она ему?

Из тени Сирил Арпел наблюдал за кружащейся по танцевальной площадке великолепной парой. С того места, где он стоял, он видел даже выражения их лиц – полностью поглощенные друг другом и безразличные ко всему, что происходило в окружающем их мире.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.